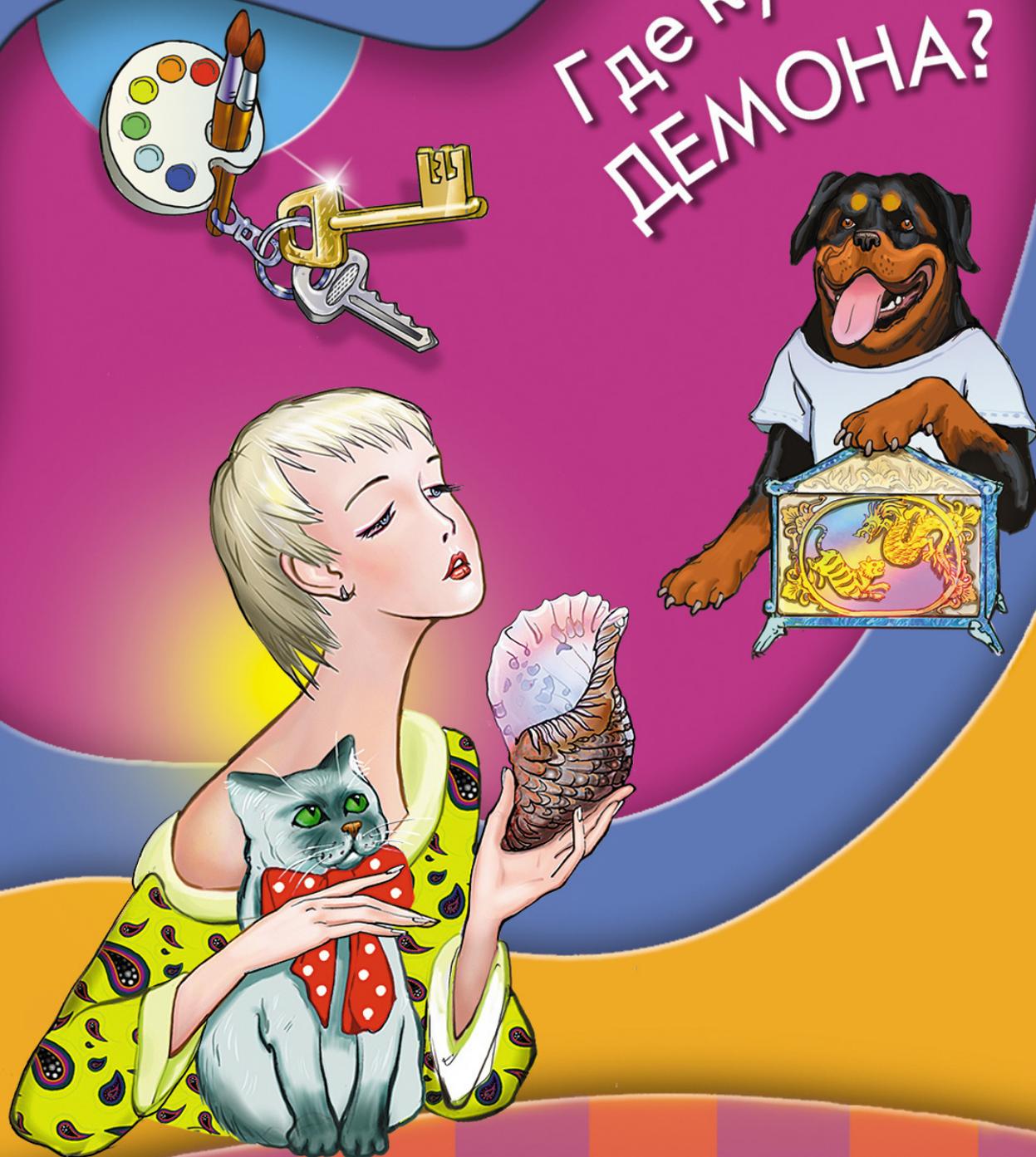

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Где купить
ДЕМОНА?

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Где купить демона?

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Где купить демона? / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2019 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

ISBN 978-5-04-101785-9

Во время поездки в метро Надежда Лебедева с удовольствием наблюдает за молодой художницей, которая очень талантливо рисует пассажиров. Но вскоре становится свидетельницей аварии, в которую попадает девушка. Надежде удается спасти от воришки сумку художницы с рисунками, и она решает вернуть ее хозяйке. Но, придя в больницу, Надежда становится свидетельницей очередного покушения на жизнь девушки! Она решает выяснить, что же у Кати есть такого, что заставляет охотиться на нее самого настоящего киллера. Ранее книга выходила под названием «Заколдованная шкатулка»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101785-9

© Александрова Н. Н., 2019
© Эксмо, 2019

Наталья Александрова

Где купить демона?

Надежда села на освободившееся место осторожно, деликатно, стараясь не плюхнуться всем весом и не показывать на лице откровенного облегчения. Вообще-то ноги уже не держали – тащилась до метро пешком, а сегодня с утра наступила оттепель, так что под ногами была снежная каша, а под ней – самый настоящий олимпийский каток. Да еще сумка тяжеленная – мать, как всегда, навязала две банки варенья и половину тыквы. Надежда не хотела брать – дескать, в субботу приедем с мужем на машине, так получила за это выволочку. Мать долго разбирала детально характер нынешних молодых людей и перечисляла их недостатки. Мы, говорила мать хорошо поставленным голосом, всякое в жизни повидали. Надо было – траншею копали, надо было – бревна на себе таскали. И ни на кого свою работу не сваливали. А тебе лень даже для себя варенье принести, норовишь все хозяйство на мужа свалить, хотя прекрасно знаешь, что он много работает и в выходной должен отдыхать, тем более что тыква до субботы все равно испортится, раз уже разрезана.

Во всем страстном монологе была одна приятная вещь – то, что мать причисляла Надежду к молодым людям. Все остальное было явным и сознательным преувеличением – и про траншею, и про бревна, и про Надеждину лень.

С некоторых пор Надежда Николаевна Лебедева – интеллигентная женщина средних, скажем так, лет, оказалась без работы. Ну, просто уволили их всем отделом во главе с начальником, чтобы никому не было обидно. Муж Надежды по этому поводу неприлично обрадовался – дескать, теперь в доме будет порядок и вкусный ужин каждый день. И сама Надежда не будет нервничать и переутомляться, займется собой и так далее. Надежда вовремя сообразила спрятать все свои мысли по этому поводу, чтобы не выглядеть неблагодарной – человек к ней со всей душой, хочет как лучше, а она сокрушается по поводу потери работы, да провалилась она совсем. Тем более что денег муж зарабатывал вполне достаточно, на жизнь хватало. И Надежда создавала ему вполне приличные условия для этой самой жизни. Муж был у нее второй, любимый, человек от природы некапризный, заботливый и внимательный, так что все было у них хорошо. И вовсе незачем было матери говорить ей такие слова. Но с некоторых пор Надежда взяла себе за правило с матерью не спорить – себе дороже обойдется. Матери шел восьмой десяток, она была сильна духом и довольно бодря, но характер с возрастом ухудшился.

Надежда прочно утвердилась на месте и мимоходом удивилась своей усталости – неужели возраст сказывается? Ух, как ненавидела она эту круглую цифру – сначала пятерка, а потом еще сзади толстый наглый ноль! Но, как советовали древние мудрецы – примиришься с тем, что ты никак не можешь изменить.

Надежда перевела дух и решила не думать о неприятном. Хорошо бы почитать, но детектив остался на дне сумки, как раз под тыквой, так что достать его было нереально – еще варенье разобьется. Слева от нее мужчина читал электронную книгу и покосился раздраженно, уловив ее взгляд. Надежда и сама не любила, когда заглядывают через плечо. Справа девушка что-то писала, склонившись над блокнотом.

Надежда осторожно скосила глаза. Блокнот был довольно большой, вот девушка оторвалась от него, бросила быстрый взгляд на противоположное сиденье и тут же снова уткнулась в блокнот.

Да она же рисует! И правда, легкими штрихами девушка набрасывала портрет сидящего напротив мужчины. Надежда чуть пошевелилась и вытянула шею. Получалось у девушки отлично – мужчина выходил очень похожим, и даже ясно было, что у него за характер. Не слишком молод, устал от жизни и от работы, под глазами мешки, на переносице – глубокая морщина. И видно, что человек суровый, мрачный, небось жену изводит дома придирами, а

если уж поссорятся, то сам первый никогда не подойдет, будет молчать весь вечер, и молчание это повиснет в доме, как топор над головой.

Надежда подняла глаза. Надо же, а если на оригинал посмотришь, то ничего такого и не подумаешь – совершенно заурядное лицо, смотрит перед собой пустым взглядом, спит, что ли, с открытыми глазами...

Девушка рядом, надо полагать, закончила рисунок, вытащила лист, и Надежда поняла, что у нее не блокнот, а планшет, все листы отдельно. Девушка убрала использованный лист назад, причем Надежда заметила, что у нее уже есть там один портрет – кажется, тоже мужской. А девушка внимательно посмотрела на старуху, что читала газету. Старуха была в потертых джинсах, в кроссовках и молодежной шапочке с помпоном. И еще без очков, очевидно, поэтому держала газету слишком близко и впивалась глазами в строчки, шевеля губами. Надежда прочитала некоторые заголовки в газете:

«Известный актер зверски избил свою тещу»!

«Знаменитая певица за неделю похудела на сорок восемь килограммов»!

«Сотрудница зоопарка родила ребенка от орангутанга»!

«Какой ужас! – привычно вздохнула Надежда. – Ох уж эта желтая пресса! И ведь все врут, в нашем зоопарке и орангутанга-то нет, он давно умер от старости...»

Старуха из-за газеты зыркнула на нее сердито – как будто прочитала ее неодобрительные мысли, и Надежда Николаевна поскорее опустила глаза. Девушка занималась своим делом – и вот уже проступили на листе старухины черты. Никакая шапочка с помпоном не помогла – сразу видно, что старухе восьмой десяток капает. И хоть хорохорится она, бодрится, утром зарядку делает, днем в парке с палками ходит – видно, что одинокая как перст, нет у нее ни детей, ни внуков. А друзей да племянников она сама разогнала, потому как характер имеет скверный, ни тепла от нее не дождешься, ни слова ласкового.

И посещают старуху разные мысли, когда бессонница. Что вот придет однажды ночью к ней такая же старуха, только с косой, а ей, нашей-то старухе, и попрощаться на этом свете не с кем. Один на один она со смертью окажется. И там уж характер жесткий не поможет, эта, с косой, и не такое видала.

И найдут ее, бездыханную, только через несколько дней. Почтальонша там забеспокоится или дворник. Соседи и то не спохватятся, старуха со всеми давно на ножах, им до лампочки, что там с ней происходит, жива ли она.

Мысли такие посещают старуху ночью, днем-то она отвлекается – вот, желтую прессу почитывает, телевизор опять же смотрит.

И все это девушка сумела передать несколькими штрихами.

– Да у вас талант! – невольно восхитилась Надежда.

– Что вы! – смутилась девушка. – Я только учусь. А в метро рисую, чтобы время зря не тратить.

Это Надежде было понятно, она и сама не любила зря тратить время, и людей таких уважала. Девушка между тем покончила со старухой и перешла к парню, что сидел напротив, придерживая ногами большую сумку. На парне была кепочка-бейсболка с логотипом известного интернет-магазина «Сезон», Надежда и сама пару раз заказывала у них книжки и учебники для внучки. Внучка Светлана жила со своими родителями в далеком Северодвинске, зять Надежды был раньше моряком, а потом перешел на сушу, так всем спокойнее и денег больше. Но пока живут они на севере. Надежда Николаевна по внучке скучала, но видно уж судьба такая – жить им врозь.

Объявили Надеждину остановку, она встала с сожалением. Но девушка тоже собрала свои вещи и пошла за ней. И курьер из «Сезона» тоже подхватил свою сумку и, проходя мимо старухи, задел ее газету. Старуха рявкнула что-то, но парень сделал вид, что не слышал. Надежда

пропустила парня вперед, чтобы оказаться поближе к девушке. Они вместе вышли из вагона, краем глаза Надежда видела, что старуха сложила свою газету и тоже вышла.

Ничего удивительного, у них последняя станция перед конечной, в этом вагоне все тут выходят, эскалатор отсюда ближе всего. Девушка шагнула вперед, слегка кивнув Надежде на прощание, та улыбнулась в ответ.

В холле метро Надежда отвлеклась на книжный ларек. Не то чтобы хотелось рассмотреть книжки – все это она уже видела утром, просто нужно было передохнуть. Проклятая сумка оттянула все руки, да еще банка с вареньем била по ногам. Надежда наклонилась, чтобы проверить, не перевернулись ли банки, а когда разогнулась, то парень из «Сезона» едва не двинул ей по шее своей сумкой.

– Осторожнее! – закричала она.

– Простите! – Парень, казалось, искренне огорчился. – Простите, не заметил. Не скажете, как мне найти улицу Аппетитова, дом пять?

– А, это вам нужно сейчас дорогу перейти и вот туда, в проход между домами мимо торгового центра! – оживилась Надежда. – Там будет улица, это и есть Аппетитова, так вы ее не переходите, а сразу налево. Три дома пройдете, и будет нужный, номер пять.

– Спасибо! – парень легко вскинул на плечо огромную сумку и зашагал широкими шагами в нужную сторону.

Глядя ему вслед, Надежда Николаевна сообразила, что он идет в ее дом.

Надежда Николаевна жила здесь не так долго, второй год всего. Раньше они с мужем жили в ее однокомнатной квартирке, но потом сын Сан Саныча с женой, сыном и сенбернаром Арчибальдом уехал работать по контракту в Канаду, и тогда супруги Лебедевы переселились в эту трехкомнатную. За квартирой присмотреть, и вообще, не пропадать же жилплощади.

Надежда долго не хотела привыкать к новому жилью, потому что, ко всему прочему, улица Аппетитова вызывала у нее самые неприятные ассоциации. Точнее, с улицей-то все было в порядке – широкая, зеленая, дома новые, красивые, метро недалеко, но и не рядом, так что ни бомжей, ни ларьков, ни музыки громкой.

Все дело было в названии. Работал когда-то давно у Надежды в институте некто Аппетитов – очень неприятный тип, выскочка и набитый дурак. Поговаривали даже, что постукивал этот Аппетитов, да не только начальству, но и в компетентные органы.

Про это Надежде верилось с трудом – уж больно был мужик глуп, проще говоря – тупой, как табуретка. Работать его никто не заставлял, начальство убедилось, что это себе дороже обойдется. И наивысшей удачей считалось, если удавалось перевести этого Аппетитова в другой отдел – пускай-ка там теперь с ним помучаются. И ладно бы сидел себе тихонько за шкафом и, к примеру, решал кроссворды или спал с открытыми глазами. Так нет же, противный Аппетитов подслушивал разговоры, говорил сотрудникам гадости, отмечал в специальном блокнотике, кто на сколько опоздал с обеда или лишний раз вышел из комнаты – в общем, усиленно старался сделать жизнь сотрудников невыносимой.

В общем, фамилия Аппетитов не вызывала у Надежды положительных эмоций. И улица, конечно, названа не в честь ее бывшего сотрудника, но может это его родственник?

Муж в ответ на ее вопрос пожал плечами, он с Аппетитовым на работе не столкнулся – Бог миловал. Дома на улице были относительно новые, люди в них жили разные, но никто понятия не имел, в честь кого названа улица. Соседка Антонина Васильевна, которая все всегда знала, сказала лишь, что улицу назвали так очень давно. Надежда прекратила расспросы, но все равно было противно.

Размышляя так, Надежда Николаевна машинально двинулась к переходу через проспект. Машины неслись непрерывным потоком, люди дисциплинированно ждали на краю тротуара. Вот красный сигнал светофора замигал и переключился на желтый, и тут на перекресток

выскочил какой-то ошалелый водитель на стареньком «Опеле», торопясь проскочить на желтый.

Пешеходы по-прежнему терпеливо дожидались, пока появится зеленый огонек с бегущим человечком. И вот, когда «Опель» был на середине улицы, буквально ему под колеса вылетела женская фигура в серой неприметной курточке. Женщина возле Надежды громко ахнула и закрыла лицо руками, не в силах видеть, как девчонку сейчас расплющит в лепешку. «Опель» истошно засигналил, Надежда почувствовала, как сердце ее стремительно проваливается куда-то вниз, и сквозь пелену перед глазами заметила, как серая фигурка сгруппировалась и буквально выскользнула из-под колес, с размаху ударилась головой о поребрик и застыла. «Опель» в это время пытался тормозить с ужасающим скрипом, свернул в сторону и врезался в припаркованную на той стороне «Газель», которая от такой наглости возмущенно загудела.

Все случилось буквально за несколько секунд, толпа не успела ничего сообразить. Хорошо, что машины загодя притормаживали на переходе, больше никто ни в кого не врезался.

Толпа окаменела, потом поднялся крик, все зашевелились, Надежду вытолкнули вперед, к безжизненному телу. Она в ужасе присела, собрав все свое мужество, и взяла девушку за руку. Пульса не было, а может, в нервах она не могла его найти. Однако рука была теплой, и Надежде показалось, что она слегка шевельнулась. Ну да, тело едва заметно дернулось, и Надежда услышала тихий стон.

Вокруг уже напирала любопытные.

– Да дайте же ей воздуха! – крикнула Надежда.

– А что, она жива? – удивился толстый дядька в поношенной старомодной дубленке. –

Ну это надо...

Теперь уже все видели, что девушка шевелится и старается перевернуться.

– Не трогайте ее! – взвизгнула та женщина, что стояла перед Надеждой на переходе. –

Везде говорят, чтобы пострадавшего не трогали – вдруг у нее позвоночник сломан?

– Что, так и будет она лежать на ледяном асфальте? – растерялась Надежда.

Девушка приподнялась на локтях и со стоном повернулась на бок.

– «Скорую» уже вызвали, – сказал дядька в дубленке.

– Так когда она еще приедет. – Надежда решительно поддержала девушку за локоть и увидел близко ее лицо.

Это была та самая девушка, что сидела с ней рядом в метро и рисовала пассажиров. Те же прямые темные волосы, курточка неприметная, только глаза мутноватые, и щека распухла. Да вот и сумка ее рядом валяется – большая коричневая торба с завязками.

– Как вы? – спросила она. – Где болит?

Девушка прислушалась к себе, потом мучительно поморщилась и попыталась сесть.

– Голова... – простонала она, – кружится, и все мутно...

Надежда оттолкнула какого-то мужичка, сунувшегося слишком близко, и помогла девушке сесть, подложив под спину торбу.

– Зря вы это! – высказалась давешняя тетя. – Может, у нее позвоночник...

– У тебя самой позвоночник! – вступился дядька в дубленке. – Видно же, что она сидеть может, значит, не все так плохо, переломов нету.

– Лезут сами под колеса! – тут же вскипела тетка. – Только людей пугают!

– Как же это вы так неосторожно... – сказала Надежда.

– Да я... – девушка поникла головой, – я не понимаю...

Тут сзади раздался громкий голос:

– Граждане, расступитесь, дайте осмотреть пострадавшую! – и появилась солидная тетка в синей униформе, а с ней – молодой парень с носилками.

Тетка отодвинула Надежду мощным плечом и склонилась над пострадавшей. Профессионально быстро ощупав ей руки-ноги, она спросила, сколько показывает пальцев, и, очевидно, не удовлетворившись ответом, попыталась осмотреть голову.

– Быстро как они приехали, – тихонько сказала Надежда дядьке в дубленке.

– А то, – так же шепотом ответил он, – они на уличные происшествия быстро приезжают, чтобы движение не встало.

Надежда оглянулась на «Опель». Там всюду шел скандал. Водитель пострадавшей «Газели», немолодой таджик, прибежал из кафе, что находилось рядом, дожевывая на ходу бутерброд. Appetit у него пропал сразу же, потому что из его грузовичка сыпались на асфальт какие-то коробки и тюки. Теперь водитель бегал вокруг, изрыгая проклятья и потрясая кулаками. Он то задирает голову к небу, призывая, надо полагать, в свидетели своего Аллаха, то хватался за телефон и начинал тараторить в него по-своему.

Водитель «Опеля» лениво отлаивался, ему уже было все равно.

Скоро приехала машина с мигалкой. Увидев полицию, толпа начала редеть, дядька в дубленке сердечно простился с Надеждой и пошел по своим делам.

Надежда Николаевна оглянулась на пострадавшую девушку. Докторша уже наскоро заклеила ей рану на голове пластырем и теперь бережно укладывала на носилки. Парень помогал.

И вот, после того как они с докторшей споро подхватили носилки и понесли их к машине, на асфальте осталась сумка. Люди из «Скорой» не заметили ее, потому что в суматохе сумку отпихнули чуть в сторону. Надежда шагнула ближе и тут увидела, что тянет уже к сумке руки какой-то самого паршивого вида мужичонка.

– Эй, ты что это делаешь? – прошипела она, схватившись за ремешок. – Тебе чего тут надо?

И по тому, как дернулся он и заверещал, как мартовский заяц, поняла Надежда, что ее опасения верны – хочет этот гад сумку прихватить под шумок.

– Женщина, да вы что? – отбивался мужичонка, похожим на зайца его делали редкие зубы. – Да вы что это себе думаете?

– Отдай сумку! – рявкнула Надежда. – Отдай, а то хуже будет! Вон, полиция через дорогу!

– Да что мне полиция! – Он попытался пнуть Надежду под коленку и дернул сумку сильнее.

В другой руке у нее была своя собственная тяжеленная сумка, так что эту она могла держать только левой.

– Да помогите же кто-нибудь! – сказала Надежда, но, как назло, никого рядом не оказалось.

Девушку грузили в машину «Скорой помощи», оставшиеся зеваки пялились на обиженную «Газель». Пара коробок открылась, и на мостовую вывалились пакетики чипсов.

– Ах ты, такая-сякая! – плюгавый мужичонка наклонил голову и боднул Надежду.

То есть только хотел это сделать.

Реакция у Надежды Николаевны всегда была отменной, так что она бросила свою сумку и свободной рукой двинула паршивцу в лоб. Не слишком сильно, но от удара слетела с него вязаная шапочка, и показались плешивая голова и оттопыренные уши. Теперь он стал похож не на зайца, а на сбесившегося шимпанзе. Надежда же, услышав, что в ее сумке звякнуло, а, стало быть, разбилась все-таки банка варенья, пришла в неопишуемую ярость, которая удесятирила ее силы. Она дернула за ремешок и без труда отняла коричневую торбу.

– Вали отсюда немедленно! – сказала она. – Вали, козел, пока я полицию не позвала!

И мерзкий тип убрался, как не было. Надежда оглянулась и увидела только задние огни уезжающей «Скорой». Вот тебе и раз!

Она подхватила обе сумки и отправилась домой, оставляя позади себя тонкую струйку варенья, которое потихоньку просачивалось сквозь сумку, и решая в уме два вопроса: какое разбилось варенье – смородиновое или черничное, и как теперь оправдаться перед матерью. Вопрос о том, каким образом она вернет чужую сумку, Надежду не очень беспокоил. Вполне возможно, что найдется в сумке какой-нибудь документ или мобильник, а еще можно узнать, в какую больницу отвезли девушку, и сходить туда. А пока пускай сумка у нее полежит, сохранней будет.

После того как пострадавшую девушку увезли, толпа быстро растаяла, в основном разошлись по своим делам. Остались самые закаленные зеваки, которым совсем уже нечего было делать, никуда они не торопились и перешли через дорогу, чтобы понаблюдать за развивавшимися отношениями между водителями «Газели» и «Опеля».

Надо сказать, что скандал быстро закончился, не успев как следует разгореться. Приехавший гибэдэдэшник призвал договаривающиеся стороны к порядку, быстро все измерил, опросил водителей и составил акт, к тому времени зеваки уже разбежались – кому охота в свидетели попасть? Водитель «Опеля» все валил на девчонку – выскочила, мол, на проезжую часть, он и свернул в сторону, чтобы не задавить. Таджик все причитал над пропавшим товаром, а получив справку об аварии, не успокоился, а все цокал языком – дескать, хозяин этой бумажке не поверит, и придется ему оплачивать пропавшие чипсы из своего кармана.

Когда все разъехались, улица стала прежней – станция метро, большой новый дом с магазинами внизу, несколько самых обычных ларьков – пункт приема платежей сотовой связи, ремонт обуви, простенькое кафе для водителей.

Теперь возле ларьков снова появился тощий вертлявый мужичок с оттопыренными ушами и криво торчащими редкими зубами. Воровато оглядевшись по сторонам, он зашел за ларьки. Там он остановился возле мусорного бака, достал пачку сигарет и неторопливо закурил. Струйка дыма от дешевой сигареты смешалась с опустившимся на город густым промозглым туманом.

Сделав несколько жадных затяжек, редкозубый мужичонка вытащил из-за пазухи тощий потертый бумажник, успел все же в толпе, окружавшей раненую девушку, подобрать, что плохо лежит. Раскрыв его, он внимательно ознакомился с содержимым.

Результат его разочаровал: в бумажнике оказалось всего триста пятьдесят рублей, фотография полной, сильно накрашенной блондинки, мятая квитанция из химчистки и несколько бесполезных карточек на скидки в обувных и хозяйственных магазинах.

Мужичок переложил деньги в свой собственный кошелек, а бумажник с дисконтными карточками и прочей бесполезной дрянью выкинул в мусорный бак.

– Совести у людей нет, – мрачно пробормотал он, затянувшись сигаретой. – Считаю, с пустым лопатником ходит... надо же и о людях думать! Понятно, что за таким кошельком и следить не надо – потеряла, так только лучше, новый купит...

Тут из тумана выступила темная фигура – высокий, немного сутулый мужчина в черном пальто с поднятым воротником, в надвинутой на самые глаза кепке.

– Минздрав последний раз предупреждает – курение опасно для вашего здоровья! – процедил человек в черном, сверкнув глазами из-под козырька.

Вертлявый мужичок закашлялся, заморгал глазами.

– Вот ведь напугал! – проговорил он, отдышавшись, и делано засмеялся. – А я-то думаю, куда ты подевался...

– Ты думаешь? – недоверчиво переспросил человек в черном. – Что-то непохоже... ты мне лучше скажи – сделал, что я велел?

– Ну, не совсем... – промямлил мужичонка, отводя глаза. – То есть я почти было уже, но она...

– Что значит – не совсем? – прервал его собеседник. – Что значит – почти? Ты или украл у нее сумку, или нет!

– Ну, вот зачем такие слова говорить? Вдруг нас кто-то подслушивает? – Мужичок опасно завертел головой. – Что за слово такое – украл! Можно ведь иначе как-нибудь сказать – взял, допустим, или позаимствовал... а то что сразу – украл! Это прямо не слово, а готовая статья уголовного кодекса...

– Некогда мне с тобой церемонии разводить! – прошипел человек в черном. – Говори прямо – у тебя сумка?

– Нет, – редкозубый развел руками, – не сложилось... я уже было ее подобрал, а тут тетка какая-то вывернулась, схватилась за эту сумку с другой стороны и принялась меня лупить... вон, смотри, всю личность расцарапала, и под глазом фонарь засветила...

– Ага, ты еще побои зафиксируй и выплату потребуй за производственную травму. – Короче, значит, нету у тебя сумки... – Человек в черном ссутулился.

– Нету! – вздохнул карманник. – Даже у такого профессионала, как я, случаются иногда отдельные проколы... Слушай, друг, а на фига вообще тебе та сумка? Девчонка, по всему, бедная, вряд ли у нее в сумке что-то было стоящее...

– А вот это тебя совсем не касается! – Из-под кепки мужичонку обжег неприязненный взгляд.

– Если хочешь, я тебе таких сумок двадцать штук нарежу! Это мне раз плюнуть! – бахвалился он, но прозвучало все как-то неуверенно.

– Ладно, проехали! – Человек в черном отвернулся.

– Ну, а коли так – так прощения просим. – Мужичонка потушил сигарету и сплюнул. – У меня еще дел много, я пойду...

– Никуда ты не пойдешь! – Человек в черном бесшумно переместился, оказавшись рядом с вором.

– Как это – не пойду? – мужичонка оскалил редкие зубы и сунул руку в карман. – Кто мне, интересно, помешает?

Теперь он снова стал похож на сердитого шимпанзе.

– Да хотя бы я! – тяжелая рука легла на плечо редкозубого. – Понимаешь, ты, профессионал хренов, я не люблю, когда меня водят за нос. А кроме того, ты мое лицо видел...

– Ничего я не видел! – испуганно забормотал мужичонка. – Вон у тебя все лицо закрыто – снизу воротник, сверху кепка.

Теперь он выглядел как самый настоящий трусливый заяц из мультфильма.

– А все-таки ты меня видел! – печально проговорил его собеседник. – А это непорядок...

– Да пошел ты... – Мужичонка попытался вывернуться и в то же время вытащил из кармана нож с выкидным лезвием.

Однако он не успел им воспользоваться – из рукава черного пальто выскользнула проводочная петля и захлестнулась на его горле. Несчастный дернулся в сторону, но только сильнее затянул на своем горле проводочную удавку. Рот его широко открылся, глаза вылезли из орбит.

– За что... – прохрипел он, пытаясь вдохнуть.

– Я же тебе все объяснил! – спокойно ответил человек в черном. – Лично против тебя я ничего не имею.

Он резко дернул за петлю – и та глубоко врезалась в горло мужичонки. Несчастный воришка странно всхлипнул, колени его подогнулись, и он упал на грязный асфальт.

Человек в черном немного подождал, потом ослабил удавку, снял ее с шеи трупа и спрятал в рукав. Затем он осторожно огляделся по сторонам, подхватил труп под мышки, легко поднял его и свалил в мусорный контейнер. Крышку контейнера он аккуратно закрыл, и только после этого ушел, мгновенно растворившись в густом тумане.

Утром Надежда Николаевна проснулась поздно. Судя по царящей в квартире гулкой тишине, муж уже ушел на работу, что вызвало у нее острый приступ угрызений совести. Обычно она себе такого не позволяла, вставала вместе с мужем по будильнику и готовила ему завтрак. Сегодня, однако, она проспала и, выйдя на кухню, увидела там только своего рыжего кота Бейсика.

Кот сидел перед холодильником, на его выразительной морде было написано тихое, с трудом сдерживаемое страдание: судя по всему, он находился на грани голодного обморока.

– Бейсик, – проговорила Надежда сонным голосом, – я в жизни не поверю, что Саша ушел, не покормив тебя!

В ответ на ее слова кот тихо, жалобно мяукнул. Казалось, он хотел сказать Надежде: можешь мне не верить, но если я на твоих глазах умру от голода, сможешь ли ты потом спокойно спать? Сможешь ли жить, зная, что на твоей совести загубленная жизнь невинного создания? При этом он посмотрел на хозяйку так проникновенно и трогательно, что она не устояла и положила в его мисочку большую вкусную котлету. Бейсик с урчанием набросился на нее – и только тогда Надежда заметила прищипленную к холодильнику записку:

«Надя, не корми Бейсика! Я его уже покормил. И пожалуйста, понаблюдай за ним – у него совсем нет аппетита, свой корм он есть не стал, я едва уговорил его съесть пару кусочков ветчины. Боюсь, не заболевает ли он».

– Ага, аппетита у него нет! – возмущенно проговорила Надежда. – С чем-чем, а с аппетитом у него полный порядок! Вот с совестью у этого кота большие проблемы! Глаза бы мои на тебя не глядели, наглый пожиратель котлет!

Кот взглянул на нее с явной насмешкой, проглотил остатки котлеты и отправился на диван – досыпать.

А Надежда сварила себе чашку кофе и собралась спокойно ее выпить, прежде чем приступить к домашним делам. А этих дел у нее накопилось столько, что и за неделю не переделать – огромная гора глажки, и пропылесосить квартиру она собиралась еще вчера, да вот пришлось к матери ехать, и шкаф разобрать давно пора...

Такие перспективы вызвали у нее тяжелый вздох. Надежда покосилась на пылесос, стоявший в углу безмолвным укором, взяла чашку и собралась уже опуститься на стул.

Но тут она увидела на этом стуле сумку.

Сумка была незнакомая – большая бесформенная торба из коричневой кожи.

И в этот момент Надежда Николаевна вспомнила вчерашнюю историю – девушку, которая рисовала в метро пассажиров и которая потом едва не попала под машину, сумку, которую она, Надежда, отбила в честном поединке у воришки...

– О господи! – воскликнула Надежда. – Как я могла забыть! Ведь ей наверняка нужна эта сумка!

Действительно, вчера, едва дотащившись до дома, Надежда бросила чужую сумку в прихожей и сосредоточилась на своих вещах. У нее-то все было нехорошо, потому что разбилась банка с черничным вареньем, залила тыкву, кошелек, детектив, косметичку и вообще всю сумку. Да еще пришлось вымыть пол на площадке, а в причастности к небольшой лужице в лифте Надежда решила не признаваться, в конце концов, на что в доме дворник?

Тут очень кстати позвонила мать, чтобы узнать, как Надежда доехала, и понравилось ли зятю черничное варенье. Надежда едва не зарычала в ответ.

А во время разговора кот умудрился вымазать лапы в чернике и наследить в кухне. Надежда бросила трубку и принялась ловить кота. Лапы, конечно, не отмылись, несмотря на то что Надежда перепробовала и мыло, и гель, и даже жидкость для мытья посуды. И только успела Надежда кое-как отчистить сумку и выбросить синюю тыкву, как явился с работы муж. Он обратил внимание только на синелапого кота, долго квохтал над ним, кормил вкусеньким и выговаривал Надежде, так что про чужую сумку она забыла начисто.

Очевидно, утром, уходя на работу, Сан Саныч увидел ее, валявшуюся в прихожей, и положил на стул, он не любил беспорядка.

Сейчас Надежда перерыла содержимое коричневой торбы и на самом дне, под планшетом для рисунков, под косметичкой и прочими мелочами, которые всегда накапливаются в женской сумке, обнаружила студенческий билет. Из этого билета явствовало, что он принадлежит Екатерине Максимовне Малининой, студентке Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии имени Штиглица, именуемой обычно Мухинским училищем, или просто Мухой.

Так, Муху мы оставим на крайний случай, сейчас ведь девушка, которую зовут Катей, находится в больнице, и сумка ей нужна. Мало ли какие мелочи понадобятся, телефон опять же... А вот, кстати, мобильника в сумке нету. Кошелек есть, денег в нем маловато, но все же...

Нужно звонить в справочную по всем больницам, там скажут, куда вчера возили жертв дорожных происшествий.

Надежда пододвинула к себе телефон и за четверть часа выяснила, что Екатерина Малинина находится в городской больнице номер четыре, куда ее доставила накануне машина «Скорой помощи».

Четвертая городская больница располагалась неподалеку от дома Надежды Николаевны, что можно было расценивать как перст судьбы. И как шанс хоть ненадолго отложить ненавистные домашние дела.

– Я только отнесу ей сумку и сразу же примусь за хозяйство! – сказала Надежда в пространство, адресуясь, по-видимому, к пылесосу.

Пылесос на эти слова никак не отреагировал, но из гостиной выглянул кот, который посмотрел на хозяйку с недоверием и осуждением.

– А тебя вообще никто не спрашивает, синелапое чудовище! – строго произнесла Надежда.

Кот обиделся и скрылся в гостиной.

И только было Надежда собралась уйти, как позвонила мать.

– Надя, ты знаешь, что случилось? – заговорила она, как всегда, на повышенных тонах, что свидетельствовало о том, что она сильно нервничает.

Надежда свою мать знала отлично, поэтому не слишком обеспокоилась – причиной ее волнений могло быть, к примеру, землетрясение в Южной Америке или же очередная драка депутатов на собрании Государственной думы.

– Мама, ты здорова? – быстро спросила она, чтобы свернуть разговор. – Ты не захлопнула дверь, тебя не обокрали в магазине?

– Да что ты такое говоришь? – взвилась мать. – По-твоему, я ненормальная? Успокойся, твоя мать еще не выжила из ума, так что в психушку оформлять меня рановато.

– Мама, ну что ты говоришь...

– Я знаю, что я говорю! – с пафосом заявила мать.

– Ах, вот как...

Тут до матери дошло, что она малость перегнула палку и что Надежда может обидеться и повесить трубку. А ей хотелось поговорить.

– Ты слышала, что вчера убили Рюмина?

– Ну да... – неуверенно ответила Надежда, – что-то такое мелькнуло по телевизору.

– Ничего себе мелькнуло! Да все каналы об этом твердят! И московские, и наши! Представь себе, среди бела дня киллер вошел в ресторан и ухлопал двоих человек прямо за столиком!

Ну да, Надежда вспомнила, что вчера вечером слушала в новостях, что в городе произошло двойное убийство. И правда, ухлопали на глазах у всех депутата Законодательного собрания Рюмина и крупного бизнесмена Шарапова. Если фамилия Рюмина часто мелькала в новостях и отложилась у Надежды в памяти, то фамилия Шарапов ничего ей не говорила. То есть

говорила, теннисистка такая есть, но к убитому, надо полагать, она не имеет никакого отношения, фамилия довольно распространенная.

Мать возмущалась в трубку, но Надежда твердо сказала, что ей должны звонить, так что нельзя занимать телефон. Мать с ворчанием бросила трубку.

Надежда допила остывший кофе, привела себя в порядок и отправилась в больницу.

В окошке справочной ей сообщили, что пациентка Малинина, поступившая вчера по «Скорой», находится в неврологическом отделении, в палате номер двенадцать.

– В неврологии? – переспросила Надежда. – Почему в неврологии, а не в хирургии?

– Потому что у нее сотрясение мозга, – пояснила медсестра и добавила, взглянув на Надежду поверх очков: – Состояние средней тяжести, температура нормальная.

Надежда поднялась на четвертый этаж и вошла на неврологическое отделение. Никто ее не остановил, хотя время было неприятное, очевидно, в этой больнице были демократические порядки.

Коридор отделения был пуст. На столе дежурной сестры лежала раскрытая книга, но сама сестра отсутствовала. Надежда пошла вдоль коридора. К счастью, на дверях палат были представлены номера. Надежда Николаевна прошла мимо седьмой палаты, мимо восьмой, девятой, десятой...

В это время дверь двенадцатой палаты открылась, оттуда вышел мужчина в белом халате.

– Доктор! – окликнула его Надежда, она хотела спросить у врача, здесь ли лежит Катя Малинина, но тот отвернулся и быстро пошел прочь по коридору.

Надежда проводила его взглядом. Что-то в фигуре врача показалось ей смутно знакомым, но она не могла вспомнить что. Надежда пожала плечами и вошла в двенадцатую палату.

Здесь были только две кровати. На одной, около окна, спала, разметавшись, полная женщина средних лет, на второй лежала вчерашняя девушка. Она была очень бледной, глаза полукрыты, в локтевом сгибе закреплена пластырем игла капельницы.

Вдруг глаза девушки открылись, она уставилась на Надежду, ее губы зашевелились.

Надежда подошла к самой кровати, наклонилась над ней, чтобы расслышать ее слова.

– Это он, – едва слышно проговорила Катя, – это он...

– Кто? – удивленно переспросила Надежда.

– Этот доктор... это его я вчера рисовала...

– Что? – Надежда решила, что ослышалась, и склонилась еще ниже к кровати.

Но Катя вдруг напряглась, лицо ее покраснело, и она задышала часто и сипло.

– Что с тобой? – всполошилась Надежда Николаевна.

Девушка пыталась что-то сказать, но из ее горла вырывался только свистящий хрип. Лицо ее побагровело, губы на глазах синели, глаза едва не вылезали из орбит. Она в ужасе смотрела на Надежду, потом перевела взгляд на что-то за ее спиной.

Надежда проследила за ее взглядом – и увидела подвешенный на стойке прозрачный пакет с раствором для капельницы. В наполняющей пакет бесцветной жидкости разбегались розоватые змейки – в раствор явно влили какое-то постороннее вещество.

Раздумывать было некогда. Надежда сорвала с Катиной руки пластырь, выдернула иглу, затем бросилась к двери, выглянула в коридор.

Дежурная сестра сидела за своим столом, водя глазами по страницам книги.

– Скорее! – крикнула Надежда. – Позовите врача! Здесь больной очень плохо!

– А вы вообще кто? – Сестра строго посмотрела на Надежду поверх книги. – Кто вас сюда пустил?

– Да говорят вам – скорее врача! Она умирает!

Сестра, кажется, осознала серьезность момента. Она вскочила, сорвала трубку с телефона, что-то в нее быстро заговорила, выслушав ответ, бросилась к палате.

Надежда вернулась к Кате.

Девушка с трудом дышала, глаза ее начали закатываться.

Надежда схватила ее за руку, крепко сжала.

– Держись, милая! Сейчас тебе помогут...

Дверь палаты распахнулась, в нее ворвался высокий худощавый мужчина в белом халате, в два огромных шага подошел к кровати, отодвинул Надежду, наклонился. Рядом с ним тут же возникли две женщины – дежурная сестра и еще одна, постарше и поплотнее.

– Анафилактический шок! – прогремел врач, и не глядя, протянул руку, бросив: – Адреналин, преднизолон, эуфиллин!

Опытная медсестра уже отламывала горлышки ампул, готовила шприц.

Врач схватил тонкую Катину руку, нашел вену, уверенно ввел в нее иглу. Только закончив инъекцию, он заметил Надежду и раздраженно проговорил:

– Почему посторонние в палате?

– Это я вас вызвала! – сердито ответила Надежда. – Между прочим, посмотрите – в емкость для капельницы что-то ввели... видите, там что-то розовое...

Врач бросил настороженный взгляд на капельницу, помрачнел, но снова повторил:

– Почему здесь посторонние? Убрать!

– Вы слышали, что сказал доктор? – Старшая сестра надвинулась на Надежду. – Покиньте отделение!

– Да ради бога! – Надежда взглянула на Катю, убедилась, что та задышала ровнее и лицо стало более-менее нормального цвета, – и вышла из палаты.

В коридоре она остановилась и задумалась.

Катина сумка осталась у нее – но сейчас не до этого. Что там сказала девушка перед тем, как у нее начался этот ужасный приступ? Что-то вроде «Это он, тот, кого я вчера рисовала...».

Может быть, ей это просто показалось? В конце концов, у девушки сотрясение мозга, чего только в таком состоянии не вообразишь! Но тот человек в белом халате, который вышел из палаты, и Надежде показался смутно знакомым, хотя она видела его только со спины... и после его ухода с Катей случился этот... как его... анафилактический шок... не он ли ввел какую-то дрянь в емкость для капельницы? Но зачем?

Дверь палаты открылась, оттуда выкатили каталку, на которой лежала Катя. Сбоку беспомощно свешивалась тонкая рука, глаза девушки были закрыты, но дышала она ровно. Следом за каталкой шел врач, лицо его было озабочено, на лбу блестели капельки пота. Проходя мимо Надежды, он ее демонстративно не заметил.

– Куда ее? – вполголоса спросила Надежда Николаевна старшую медсестру.

– В реанимацию, – ответила та вполголоса.

– Что – все плохо? – забеспокоилась Надежда.

– Да нет, все с ней будет нормально, – поспешно возразила женщина. – Хорошо, что вы вовремя нас позвали... и правильно, что сняли капельницу, иначе...

Она не закончила фразу, но Надежда Николаевна все поняла по ее интонации.

Она собралась было раскричаться, что порядки в больнице отвратительные, что сестры вечно нет на месте, что в палату может пройти кто угодно, что если бы не она, Надежда, то девушки уже не было бы в живых. Но коридор снова был пуст, все ушли за каталкой, так что орать было не на кого. А что касается подозрения, что Кате что-то влили в капельницу, то Надежда ведь сама этого не видела, а эти, из больницы, будут обязательно честь мундира защищать. И первым делом спросят, кто такая Надежда, кем она приходится больной, зачем она пришла. А когда узнают, что человек она, в общем-то, посторонний, то быстренько выпроводят. Так что лучше ей пока уйти, будем надеяться, что в реанимации порядки построже, тяжелого больного без присмотра не оставят.

Выйдя из маршрутки перед своим подъездом, Надежда Николаевна мысленно перебирала домашние дела, которые нужно успеть переделать до возвращения мужа. Запустить стиральную машину, пропылесосить наконец ковер, разобрать вещи в шкафу, приготовить давно задуманную телятину под белым соусом...

Этот поток сознания был прерван внезапным и грубым образом. Перед самым подъездом Надежду перехватила соседка Антонина Васильевна. Соседка эта была по-своему личностью замечательной. По причине своих габаритов и преклонного возраста она выходила на улицу не то чтобы редко, но недалеко, вечно отиралась возле подъезда. Поэтому была в курсе всех новостей не только их подъезда, но и всего двора. И с радостью делилась со всеми своими знаниями и наблюдениями.

Сегодня Антонина была возбуждена, она шумно дышала, высоко поднимая все свои три желеобразных подбородка, лицо ее было покрыто пятнами лихорадочного румянца. Видно было, что ее распирает какая-то волнующая информация, которой не терпится поделиться.

– Нет, ну что за времена! – воскликнула Антонина с пафосом, крепко держа Надежду Николаевну за пуговицу. – Что за времена!

– Здравствуйте, Антонина Васильевна, – вежливо, но сухо отозвалась Надежда, пытаясь протиснуться в дверь.

Это ей не удалось – при солидных габаритах Антонины она перегородила весь проем.

– Здравствуй, Надя! Вот ты ходишь одна, а в наше время это очень опасно!

Надежда знала из опыта общения с соседкой, что с ней не нужно вступать в разговор, не нужно отвечать на ее реплики, самое правильное – проходить мимо, опустив глаза в землю, иначе застрянешь надолго, однако на этот раз она допустила промах и отозвалась:

– Как же не ходить? Дел-то много!

– А если с тобой что-нибудь случится – кто вместо тебя твои дела делать будет? Антон Павлович Чехов?

– Да что со мной случится? Кому я нужна?

– А вот не скажи! Вот Витька Шмыгин тоже, кажется, никому не был нужен – а его убили!

– Убили? – невольно переспросила Надежда. – Как убили?

– Задушили! – ответила Антонина, драматически понизив голос. – Задушили и в мусорку бросили!

Антонина произнесла эти слова с плохо скрытым восторгом, видно было, что она переживает свой звездный час – и то сказать, в ее жизни практически ничего не случилось, а тут вдруг – такая сенсация!

– Господи! – Надежда Николаевна невольно передернулась, представив скорченный труп в мусорном контейнере. – Ужас какой!

– Вот именно – ужас! – возбужденно воскликнула Антонина. – Я же говорю – что за времена! Ты же знаешь Витьку – кому он мешал... безобидный человек...

– Витька? – Надежда наморщила лоб. – Что это за Витька?

– Да ты знаешь его, он в третьем подъезде живет, вечно возле магазина ошивается, ищет, где бы подработать... То есть работать-то он в принципе не может по определению, но вот если по мелочи... Некоторые этим пользуются – вон Ксения из двенадцатого дома положила глаз на тую, которую около жилконторы высадили. Самой выкапывать – побоялась, еще поймают, неудобно будет, так подговорила Витьку, а ему все до лампочки – выкопал эту тую и принес Ксении. Всего-то пятьдесят рублей она ему заплатила. Или семьдесят...

– Надо же! – проговорила Надежда и снова безуспешно попыталась протиснуться в подъезд. – Ну, за тую его вряд ли убили бы... хотя некоторые люди к своим растениям очень привязаны...

– Мог он, конечно, и спереть, что плохо лежит... – задумчиво продолжила Антонина, решительно пресекая попытки Надежды прорваться домой.

– Антонина Васильевна, – взмолилась Надежда, – у меня дома кот некормленный! И дел невпроворот!

– Вот, кстати... Ты ведь, Надя, знаешь Олимпиаду Самсоновну? Так вот Витька у нее как-то полтора килограмма мелкой рыбы украл, которую она для кота купила...

– Мелкой рыбы? – удивленно переспросила Антонина. – Зачем ему мелкая рыба понадобилась?

– Ну, он не разобрался... увидел пакет – и не удержался, спер... потом не знал, что с ним делать, в конце концов самой же Олимпиаде его и продал за двадцать рублей. Но сам-то Витька был тихий, мухи не обидит... Своровать, если что по мелочи, или прибрать, что плохо лежит...

– А как он выглядел, этот Витька? – спросила Надежда, в голове у которой вдруг мелькнула какая-то неясная мысль.

– Да ты же его знаешь! Мелкий такой, вертлявый, зубы редкие, вперед торчат, как у кролика...

– Вот оно что!

Надежда Николаевна вспомнила того мужичка, который пытался стащить сумку сбитой девушки. Мужичка, которого она, Надежда, без особого труда прогнала. Ну, подумаешь, в лоб дала один раз, он и отстал.

Выходит, это его задушили и бросили в мусорный контейнер... страшная, отвратительная судьба, никому такой не пожелаешь, даже такому жалкому и противному типу. Тут Надежда вспомнила про разбившуюся банку с вареньем и про то, сколько трудов пришлось потратить, чтобы отмыть кота, и сколько выслушать несправедливых слов от мужа, и ростки жалости в ее душе быстро увяли.

Но вот ведь что интересно – убили этого Витьку почти сразу после того, как он попытался украсть Катину сумку.

А потом саму Катю пытались убить в больнице... Это врачи там делают хорошую мину при плохой игре, а Надежда верит Кате, знает, что тот тип, переодетый доктором, что-то влил в капельницу.

Не связаны ли между собой эти события?

Надежда Николаевна почувствовала знакомое покалывание в корнях волос. Такое покалывание она ощущала, когда сталкивалась с какой-то криминальной загадкой.

Дело в том, что, как уже было сказано, прежде Надежда Николаевна была инженером, причем не из тех дам, которые просиживали на работе положенные восемь часов, с нетерпением дожидаясь окончания рабочего дня и заполняя время вязанием и сплетнями – нет, она была инженером хорошим, талантливым, как говорят – от Бога. И с тех пор как она ушла с работы, точнее, с тех пор как ее сократили, Надежде не хватало умственной нагрузки. Ее мыслительные способности простаивали, как мощный компьютер, случайно оказавшийся в бухгалтерии жилконторы. И вот за неимением привычных инженерных задач она стала решать задачи детективные, криминальные – и по удивительному стечению обстоятельств судьба стала подбрасывать ей такие задачи с завидным и даже удивительным постоянством.

Многочисленные друзья и знакомые Надежды знали о ее необычной склонности и часто обращались к ней, если им нужна была помощь детектива-любителя.

Все бы было ничего, но муж Надежды, Сан Саныч, очень неодобрительно относился к этому ее увлечению. Понять его можно – он попросту боялся за свою жену, считал, что разгадывание криминальных загадок может быть опасно для ее жизни и здоровья. Сан Саныч неоднократно ставил вопрос ребром, и Надежде Николаевне не раз приходилось давать ему честное слово, что она больше никогда, ну совершенно никогда не будет заниматься частными расследованиями... но когда доходило до дела, она ничего не могла поделать со своей любопытной и беспокойной натурой и, как бульдог, вцеплялась в очередную криминальную загадку.

В результате получилось, что кроме решения собственно детективной загадки ей приходилось каждый раз употреблять массу сил, хитрости и мастерства, чтобы муж не узнал, чем она занимается, пока он зарабатывает деньги.

Справедливости ради нужно отметить, что Сан Саныч был не так уж не прав, когда сердился на свою жену. Потому что если бы, не дай бог, случилось что-то серьезное с близкими друзьями или с родственниками, тогда помочь было бы нужно и должно. Но Надежда Николаевна умудрялась вляпаться в криминальные и подозрительные истории, которые, в общем-то, не имели к ней никакого отношения. Вот как сейчас. Казалось бы, какое ей дело до незнакомой девицы? Отдала сумку, да и пошла заниматься своими собственными делами. Но зуд в корнях волос не утихал.

– Вот в какое время мы живем! – повторила Антонина Васильевна.

Она по-прежнему перегораживала дверной проем и не собиралась пропускать Надежду, пока не наговорится всласть. Надежда Николаевна, однако, не собиралась сдаваться. Она решила применить испытанный отвлекающий маневр.

– Вы говорите, Витька с Олимпиадой Самсоновной был знаком? Вон же она идет! Она еще, наверное, не знает, что его убили?!

– Где, где? – Антонина метнулась в сторону, Надежда воспользовалась ее оплошностью и проскользнула в подъезд.

Бейсик ждал ее в дверях квартиры. В его взгляде явственно читалось: «Где это ты шляешься, вместо того, чтобы кормить и лелеять своего единственного и неповторимого кота? Если тебе так повезло в жизни, если у тебя есть я – цени это и делай все от тебя зависящее, чтобы скрасить мою трудную кошачью жизнь!»

Надежда, однако, всего этого в глазах кота не заметила.

Бейсик посмотрел на хозяйку с неодобрением, обнюхал ее сапоги и громко чихнул.

– Будь здоров! – машинально проговорила Надежда и устремилась в комнату, чтобы еще раз обследовать сумку Кати Малининой.

Кот вслед ей возмущенно мяукнул: «Ты куда это? А как же твоя священная обязанность – покормить кота? И погладить, и почесать за ухом, и поговорить...»

Надежда только отмахнулась – подождешь!

Она вытряхнула из сумки содержимое, нашла планшет с рисунками и разложила их перед собой.

На столе лежали шесть портретов – два женских и четыре мужских. Ну да, как раз столько успела зарисовать Катя за один проезд в метро, видно далеко ей было ехать. Среди них Надежда сразу узнала боевую старуху в детской вязаной шапочке с помпоном. Вторая женщина была усталой, измотанной судьбой особой средних лет, с печатью неустроенной личной жизни на лице. Таких в метро можно встретить сколько угодно, даже Катин талант тут не помог, ничего в этой женщине не было интересного.

Перед тем как Кате стало плохо, девушка успела сказать, что к ней в палату приходил тот, кого она накануне рисовала. Она четко сказала: «Это он», да и сама Надежда видела, что из палаты вышел мужчина в белом халате – значит, этих двух женщин на рисунках можно отбросить.

Оставались четверо мужчин.

Мрачный заурядный мужчина лет сорока, парень в бейсболке с логотипом интернет-магазина «Сезон», бритоголовый тип с худой жилистой шеей и маленькими злыми глазками, прячущимися в складках щек, и человек неопределенного возраста с каким-то ускользающим, неуловимым взглядом. Надежда машинально отметила, что во всех остальных портретах Катя сумела передать что-то главное, основное, уловить характер человека, его внутреннюю сущность – и только последний персонаж не дался ей, не раскрылся, спрятался от нее в своей раковине, в своем коконе...

Она еще раз осмотрела всех четверых мужчин, представила, как они выглядели бы в белом медицинском халате и шапочке.

К сожалению, она видела человека в больнице только со спины – а на портретах они были изображены спереди. И рост, вроде бы тот был среднего роста, но в шапочке мог казаться выше... Тот мрачный мужчина, которого видела Надежда, который сидел напротив нее... Тоже непонятно было, какого же он роста, если его поставить на ноги. В общем, попробуй разберись... вот если бы она смогла взглянуть на этих людей со спины...

Что же делать?

Надежда уставилась в стену перед собой, как будто на этой стене она надеялась найти ответ на свой вопрос.

И как ни странно, у нее появилась одна вполне плодотворная дебютная идея.

Парень с логотипом «Сезона» явно курьер. Он доставлял посылку кому-то в этот самый дом. Значит, если Надежда сделает заказ в этом интернет-магазине, довольно велик шанс, что этот заказ доставит тот же самый курьер. И уж тогда-то она сможет посмотреть на него и со спины, и в профиль, и в три четверти, да еще и поговорить с ним, чтобы выяснить, имеет ли он какое-то отношение к тем странным событиям в больнице. Кто-то же едва не отправил ни в чем не повинную Катю на тот свет!

Кроме того, если Надежда вызовет курьера на дом – она сэкономит время, и не придется объяснять мужу, куда и зачем она ездила. А это, что ни говори, большой плюс!

Теперь оставалось придумать, что бы такое заказать в магазине «Сезон».

Проще всего, конечно, заказать какую-нибудь полезную книгу...

Надежда включила компьютер, открыла сайт «Сезона» и нашла там один очень удачный экземпляр. Прочитав название этой книги, Надежда улыбнулась: это, несомненно, понравится мужу, значит, она одним выстрелом убьет двух зайцев...

Сказано – сделано. Надежда набрала номер интернет-магазина «Сезон» и сказала, что хочет приобрести книгу «Психология домашних и диких кошек».

– Только мне эта книга нужна очень срочно! – добавила она.

Девушка-оператор на это сказала, что срочная доставка будет стоить немного дороже, но книгу доставят уже завтра.

Сознание возвращалось к Кате медленно, частями.

Сначала к ней вернулся слух, она услышала голоса разговаривающих где-то совсем рядом людей, мужчины и женщины. Голоса звучали удивительно гулко и звучно, как будто эти двое разговаривали внутри огромной железной бочки, но Катя отчетливо слышала каждое слово.

– Ей очень повезло, что у нее аллергия на хлоралгидрат. Если бы мы не заметили, что с ней происходит и не приняли своевременные меры, она бы не проснулась.

– Но кто ввел хлоралгидрат в ее капельницу? – удивленно переспросил женский голос. – Ничего подобного в ее прописи не было!

– Разумеется, не было. Такие сильнодействующие средства ни один врач в здравом уме не пропишет. Тем более в такой дозе, которая может усыпить слона.

– Кто же мог это сделать?

– Понятия не имею, и лучше нигде это не упоминать, а то неприятностей не оберешься...

Внезапно Катя поняла, что разговор идет о ней. На нее разом обрушились воспоминания...

Память всегда была ее счастьем и ее проклятием, она никогда ничего не забывала, помнила каждое лицо, которое видела хотя бы мельком, каждый пейзаж, промелькнувший в окне поезда. Это помогало ей как художнику – но вместе с тем перегружало ее мозг массой ненужных и бесполезных воспоминаний. Вот и теперь она отчетливо, ярко вспомнила, как стояла на переходе, как что-то вдруг толкнуло ее в спину, как она чудом выкатилась из-под колес

мчащейся машины... потом был провал в памяти, и затем она осознала себя уже в больнице. Она лежала в полутемной палате, на соседней койке тяжело, шумно дышала во сне пожилая женщина... вдруг дверь палаты открылась, вошел человек в белом халате, внимательно, настороженно огляделся и подошел к ее кровати.

И Катя мгновенно узнала его.

Этот человек сидел в метро напротив нее незадолго до того, как с ней случился несчастный случай... или вовсе не несчастный случай. Она рисовала этого человека. Сейчас он выглядел иначе – он изменил свою внешность, надел парик, но ее, с ее точным и профессиональным взглядом художника, непросто было обмануть.

Катя испугалась и закрыла глаза, притворившись спящей.

Мужчина подошел к ней, склонился над ее кроватью, внимательно и долго смотрел на нее. Потом отошел в сторону, к стойке капельницы. Катя чуть приоткрыла глаза и увидела, как он воткнул в прозрачный пакет шприц, ввел розоватый раствор.

Катино сердце зашло от страха, но она боялась выдать себя и не шевелилась, пока незнакомец не вышел из палаты.

А потом... потом ей стало так плохо, что она не могла пошевелиться. Она помнила только, что к ней в палату вошла женщина – ее лицо тоже было знакомо Кате. Эта женщина что-то говорила, кого-то звала, но Кате было так плохо, что даже ее уникальная память дала сбой.

Вспомнив, как плохо ей тогда было, Катя невольно застонала.

– Смотрите-ка, она, кажется, приходит в себя!

Катя открыла глаза.

Вслед за слухом к ней вернулось зрение.

Над ней действительно стояли двое – мужчина и женщина, врач и медсестра.

– Ну, и как мы себя чувствуем? – проговорил врач с фальшивой приторной интонацией.

– Нормально, – отозвалась Катя хриплым, непрорезавшимся после дурноты голосом.

– Это замечательно. – Врач переглянулся с сестрой. – Ну, пока мы еще немножко полежим в реанимации на всякий случай, а завтра, я думаю, вернемся в обычную палату.

– Что со мной было, доктор? – спросила Катя.

– Аллергия, – уверенно отозвался врач. – Почти у каждого человека в анамнезе есть аллергия на что-нибудь, и у вас – аллергия на некоторые успокаивающие лекарства. Поскольку вы поступили к нам по «Скорой», мы не знали этих особенностей...

«Ага, – подумала Катя, – сами только что говорили, что мне ввели в капельницу убойную дозу какого-то сильнодействующего препарата... причем я-то знаю, кто это сделал...»

– Ладно, мы вас покидаем, отдыхайте! – врач фальшиво улыбнулся и вместе с медсестрой покинул палату.

Катя расслабилась, прикрыла глаза.

Она думала о том, что с ней происходит.

Сначала она едва не погибла под колесами машины. Причем это точно не был несчастный случай: она хорошо помнила, что стояла на краю тротуара, дожидаясь, пока загорится зеленый сигнал, – и вдруг кто-то толкнул ее прямо на мостовую.

И потом, уже здесь, в больнице, тот человек пытался убить ее, введя в капельницу какую-то дрянь.

Уж это точно нельзя списать на несчастный случай.

Кто-то определенно хочет убить ее – но зачем? Кому она помешала?

Катя сама не заметила, как задремала.

Впрочем, дремала она недолго: дверь палаты снова распахнулась, в нее вкатили каталку, с которой свешивалась тяжелая морщинистая рука и доносилось хриплое, затрудненное дыхание.

На соседнюю кровать переложили дородную старуху, поставили ей капельницу, подключили какие-то приборы.

Катя сделала вид, что спит.

Дыхание старухи на соседней койке стало тише и ровнее.

Медики, которые суетились вокруг нее, успокоились и ушли из палаты.

В палате наступила тишина.

И тут Катя осознала, что в полудреме она приняла окончательное и бесповоротное решение: она должна покинуть больницу, покинуть как можно быстрее. От этого может зависеть ее жизнь. Ведь рано или поздно тот человек, который приходил сюда, чтобы ее убить, узнает о своей неудаче и вернется, чтобы завершить начатое.

Уйти, уйти отсюда!

Правда, она не знала, где раздобыть одежду, не знала, как добраться до дома, – но подумала, что вопросы нужно решать по мере их поступления.

Она оторвала пластырь, который придерживал иглу капельницы, выдернула эту иглу и села на кровати.

И сразу же поняла, что переоценила свои силы.

Голова кружилась, перед глазами плыли радужные пятна, в ушах бухало, как будто неподалеку забивали сваи.

Катя зажмурилась, несколько раз глубоко вдохнула.

Тошнота и головокружение отступили, она сжала зубы и встала.

Палата качнулась, как палуба корабля, стены поплыли. Катя ухватилась за спинку кровати, снова глубоко вдохнула.

Нет, поняла девушка, в таком состоянии она далеко не уйдет. Возможно, с трудом доплетется до двери, выберется в коридор – но там силы наверняка оставят ее. Нужно хотя бы немного отлежаться, собраться с силами...

И тут с соседней койки до нее донесся едва слышный свистящий шепот:

– Милая, подойди ко мне!

Катя повернулась, взглянула на свою соседку.

Старуха немного приподнялась, ее выпуклые, коричневые, как два каштана, глаза лихо-радочно блестели, она смотрела на Катю умоляющим и в то же время властным взглядом.

– Позвать врача? – спросила Катя, невольно понизив голос.

– Нет, нет, не нужно! – прошелестела старуха. – Подойди ко мне, я должна тебе что-то сказать!

– Мне? – переспросила девушка.

– Да-да, тебе! – Старуха закивала. – Подойди, милая!..

Катя смотрела на свою соседку с испугом, но в то же время с сочувствием: видно, ей совсем плохо, скорее всего, она уже неадекватно воспринимает окружающее, принимает Катю за кого-то другого, возможно, за какую-то свою знакомую. Но впрочем, почему не поговорить с ней? Может быть, этой старухе осталось жить совсем недолго, нужно облегчить ей последние минуты жизни...

Нетвердой, неуверенной походкой Катя подошла к соседней койке, села на ее край.

– Наклонись ко мне ближе, – прошептала старуха.

Катя опасливо наклонилась, почувствовала на щеке слабое, прерывистое дыхание, ощутила запах каких-то лекарств, запах старости, болезни, смерти.

– Милая, прости, что обращаюсь к тебе, – шептала старуха. – Но больше просто не к кому. Я должна была завершить свое дело, должна была передать, но не успела. Теперь очень важно, чтобы это не попало в дурные руки... главное, чтобы это не досталось *ему*...

«Старуха бредит, – отстраненно подумала Катя. – Несет какую-то ахинею... ну ладно, потерплю несколько минут...»

– Возьми, возьми это! – Старуха протянула к Кате тяжелую руку, покрытую гречкой старческих пигментных пятен, разжала пальцы. Катя увидела смятую, сложенную в несколько раз бумажку.

– Возьми! – повторила старуха и силой вложила бумажку в Катину ладонь.

«Пишет мне какую-то дрянь, – промелькнуло в Катиной голове. – Неизвестно, где побывала эта бумажка...»

– Я должна была передать, но мне не хватило времени, – лепетала старуха. – Времени и сил...

– Что это? – Катя попыталась отдернуть руку, но из этого ничего не получилось.

– Возьми! – повторила старуха неожиданно властным, сильным голосом. – Возьми скорее, возьми, пока не поздно. Я чувствую, что *он* скоро придет.

– Кто – он? – спросила Катя недоверчиво, словно не ожидая ответа на этот вопрос.

И старуха на него не ответила, вместо этого она жарко зашептала:

– Запомни – главное, чтобы это не досталось *ему*, а все остальное ты потом поймешь!

– Но почему я? – растерянно переспросила Катя.

– Потому что больше никого нет. А ты, мне кажется, сможешь... ты сумеешь... так хотят звезды... Меркурий в четвертом доме, Водолей переходит в третью фазу, это благоприятствует перетеканию сил и влияний...

«Бред какой-то!» – подумала Катя, но тут же почувствовала, как ее рука невольно сжалась, как мягкая бумажка оказалась в ее кулаке.

Голос старухи снова стал слабеть, тускнеть, она без сил откинулась на подушки. На ее лице проступала смертельная бледность – но вместе с тем удовлетворение, как будто она исполнила последнюю в своей жизни и очень важную работу.

– Сохрани... это... – прошептала старуха, и ее глаза полузакрылись.

Катя поднялась с ее койки, шагнула в сторону.

Слабость снова накатила на нее, стены палаты покачнулись. Она схватилась за спинку стула, отдышалась, медленно побрела к своей кровати. Неожиданно она осознала, что все еще сжимает в руке бумажку, которую всучила ей старуха. На глаза ей попался хромированный цилиндр мусорного ведра. Может, выкинуть эту бумажку, и дело с концом?

Прежде чем сделать это, Катя воровато оглянулась на соседнюю кровать.

Коричневые глаза старухи снова были широко открыты. Она следила за девушкой пристально, упорно.

Катя невольно вздрогнула, ей показалось, что старуха читает ее мысли. Нечего было и думать выбросить эту чертову бумажку под властным, неотступным взглядом.

Она крепко сжала бумажку в кулаке, доплелась до своей кровати и легла, уставившись в потолок.

По потолку бежали, змеясь и переплетаясь, полосы света, отсветы огней, проникающих в палату с улицы.

Эти полосы бежали все быстрее и быстрее, сплетаясь в фантастическом танце. Из них образовались какие-то удивительные узоры, выстроившиеся в картины рождающегося сна.

Но внезапно этот сон прервался, не успев начаться.

Катя лежала на спине, сна не было ни в одном глазу, ее охватила непонятная, гнетущая тревога. Она прислушалась – и поняла, что разбудило ее, что вызвало эту тревогу: дверь палаты с негромким скрипом открывалась.

Катя приподнялась, бросила взгляд на свою соседку.

На ту как раз упал отсвет из окна, и Катя увидела широко открытые карие глаза.

Старуха смотрела на открывающуюся дверь – и в ее взгляде был страх, но в то же время странное торжество. Видимо, почувствовав Катин взгляд, она быстро взглянула на девушку и приложила палец к губам.

Катя пожала плечами, вытянулась на кровати, невольно следя за дверью.

Дверь открылась, в палату проскользнула темная, гибкая тень.

При виде этой тени Катя почувствовала, как страх и тоска сжали ее сердце. Она вспомнила, как в детстве собирала ягоды, и вдруг, наклонившись к очередному кустику, густо усыпанному матовыми ягодами черники, увидела совсем рядом треугольную голову змеи и ощутила на себе ее холодный, немигающий взгляд. Тогда ее охватил такой же тоскливый, мучительный страх. Она застыла, не в силах пошевелиться, не сводя глаз со змеи. Так она простояла очень долго – хотя, может быть, это длилось всего полминуты, – и змея плавно скользнула в траву и беззвучно исчезла. Только тогда маленькая Катя закричала, заплакала...

Но сейчас нельзя было кричать. Вспомнив жест старухи, она вытянулась на кровати, закрыла глаза.

И сделала это очень вовремя: незнакомец, проникший в палату, подошел к ее кровати, остановился над ней.

Катя старалась ничем себя не выдать – она дышала ровно и спокойно, как спящая.

Незнакомец стоял над ней, она слышала его ровное, тихое дыхание, чувствовала на своем лице внимательный взгляд.

Для большей достоверности она вяло шевельнулась, сонно почмокала губами и снова замерла.

Незнакомец отошел от нее, поверив, что она спит, подошел к кровати ее соседки.

В палате было тихо, как в склепе, и Катя отчетливо слышала каждый звук, каждый шорох, каждый шепот разыгравшейся рядом с ней трагической сцены. Ибо два участника этой сцены говорили шепотом, несмотря на обуревавшие их эмоции.

– Игра закончена! – прошипел незнакомец. – Отдай мне это!

– Никогда! – жарким шепотом отозвалась старуха. – Ты это никогда не получишь!

– Получу, старая мегера! Тебе никуда от меня не деться, ты прекрасно знаешь, что я сильнее! Ты отдашь ее мне!

– Нет! – Старуха по-прежнему шептала, но в ее шепоте чувствовались сила и уверенность, удивительная для человека, одной ногой стоящего в могиле. – Нет! Ты, может быть, сильнее меня – немудрено быть сильнее умирающей старухи, но за мной стоят такие силы, с которыми ты не сможешь тягаться! Ты никогда ее не получишь – этого не допустит великая сила судьбы!

– Это пустые слова! Ты от меня не уйдешь! Отдай мне это – или я отниму силой!

– Попробуй! – Даже не видя старуху, Катя почувствовала, что она высокомерно усмехается. – Можешь искать сколько угодно – у меня этого нет!

– Нет? – переспросил незнакомец.

– Конечно, нет. Ты ведь знаешь – я никогда не вру! Тем более что ты легко можешь проверить мои слова, можешь обыскать меня.

– Значит, ты это где-то спрятала, и ты скажешь мне, где.

– Нет! – отрезала старуха. – Ты прекрасно знаешь, что не сможешь меня заставить.

– Прежде ты каждый раз просто уходила от меня, скрывалась, но сейчас ты никуда не уйдешь!

– Уйду! – тихо и решительно ответила старуха, и в палате на долгую минуту наступила тишина.

Когда эта минута прошла, тишина взорвалась раздраженным, полным ненависти возгласом:

– Ушла, старая сволочь! Умерла! Снова перехитрила меня!

В то же мгновение в коридоре послышались приближающиеся голоса, шаги многих людей. Незнакомец зашипел, как разъяренная змея, бросился к двери и выскользнул из палаты.

В следующую секунду дверь широко распахнулась, загорелся свет, в палату вошли несколько человек в белых халатах, обступили кровать Катиной соседки.

– Умерла, – проговорил знакомый врач. – Опоздали...

– Ну, тут ничего нельзя было поделать, – отозвался другой голос. – Сами понимаете, возраст, и сердце очень изношенное...

Катя приподнялась на локте, сделала вид, что только сейчас проснулась.

– Что случилось? – спросила она стоящую неподалеку медсестру. – Что с моей соседкой?

– Спи, спи! – отозвалась та. – Все в порядке!

– Ну да, как же! – недоверчиво проговорила Катя. – Я же вижу, что-то не так...

– Умерла она, – вздохнула сестра. – Но ей уж очень много лет было. По документам – сто девять, но это, наверное, какая-то ошибка. А ты спи, тебе нужно восстанавливать силы.

Старуху снова переложили на каталку, с головой накрыли простыней, выкатили из палаты.

Верхний свет снова погас.

Катя вытянулась, мысленно прокручивая в голове странные и непонятные события нынешней ночи, – и тут почувствовала, что до сих пор сжимает в кулаке мятую бумажку, которую перед смертью всучила ей странная старуха.

Она развернула ее, но в палате было слишком темно, чтобы разглядеть, что это такое. Катя вздохнула, спрятала злополучную бумажку и снова устала в потолок.

Светящиеся линии сплетались и расплетались, и девушка сама не заметила, как заснула.

Ей снился странный и запутанный сон. В этом сне она от кого-то убегала, спускалась и поднималась по каким-то гремящим металлическим лестницам, за ней гнался человек с лицом, закрытым черной глянцевой маской. Катя бежала все быстрее и быстрее, но преследователь нагонял ее, неотвратимо приближался. Вот он схватил ее за плечо, заставил повернуться и снял свою маску...

Под этой маской не было лица, вообще ничего не было – только черная клубящаяся темнота.

– Отдай мне это! – проговорил он свистящим змеиным голосом. – Отдай! Меркурий в четвертом доме, Водолей переходит в третью фазу! Отдай мне это!

Катя вырвалась, бросилась бежать.

Неожиданно, как это бывает только во сне, она оказалась на шумной городской улице, на краю тротуара. Рядом с ней стояли другие люди, они ждали, когда загорится зеленый сигнал светофора, – и Катя ждала вместе с ними. Вдруг кто-то толкнул ее вперед, на мостовую...

Она упала, рядом с ней раздался громкий скрип тормозов.

Над ней остановилась огромная черная машина, хлопнула дверца, и снова появился человек без лица. Склонившись над Катей, он проговорил, прошипел своим змеиным голосом:

– Отдай мне это – и тогда для тебя все кончится, все будет для тебя хорошо!

– У вас все будет хорошо! – раздался рядом с Катей знакомый жизнерадостный голос.

Она открыла глаза – и увидела, что в палате светло, и возле ее кровати стоит знакомый доктор.

– Показатели приходят в норму! – проговорил он, удовлетворенно потирая руки. – Так что вам больше не нужно находиться в реанимации. Мы переведем вас в обычную палату, а сюда поместим действительно тяжелых больных.

– Доктор, а когда мне можно будет вообще выписаться? – поинтересовалась Катя.

– Ну, об этом еще рано думать! – Врач нахмурился. – Надо же – не успела уйти из реанимации и уже говорит про выписку! Мы за вами еще понаблюдаем, подлечим... сотрясение мозга – штука коварная, непредсказуемая... конечно, в вашем возрасте прогноз очень хороший, но спешить все же не стоит!

Катю переложили на каталку и вывезли в коридор. В последний момент девушка вспомнила, что спрятала под подушкой бумажку, которую всучила ей соседка по палате, и вытащила ее оттуда.

Проезжая по коридору, она невольно вспомнила, как ночью точно на такой же каталке увезли мертвую старуху. Воспоминание было не из приятных.

Но в следующее мгновение случилось нечто такое, что заставило Катю забыть о старухе.

Впереди по коридору шел мужчина в белом медицинском халате.

Кате показалось, что это – тот самый человек, который пытался накануне убить ее, введя какую-то дрянь в состав для капельницы. Она сжалась от страха...

Напугавший ее человек остановился, пропуская двигавшуюся навстречу женщину на костылях. Катина каталка поравнялась с ним, девушка взглянула на него... и облегченно перевела дыхание: это был не тот человек, не тот, кого она рисовала в вагоне метро, не тот, кто пытался ее убить. Ей просто показалось.

Но тут же она снова ощутила беспокойство.

Пусть это не тот человек – но тому ничего не стоит снова прийти в больницу и довести до конца начатое. Она видела, как легко ночью незнакомец пробрался в палату реанимации, – а в обычной палате добраться до нее будет еще легче.

Значит, нужно как можно скорее уходить отсюда. Тем более сейчас, когда ее переводят из одной палаты в другую, сделать это будет легче легкого.

Ее вкатили в большую палату, подвезли к свободной койке возле окна.

– Сама переберешься, или переложить тебя? – спросила медсестра.

– Сама, сама!

Катя спустила ноги, слезла с каталки, прислушалась к себе. Чувствовала себя она гораздо лучше, чем вчера, так что нужно было, не теряя времени, осуществить свой план – сбежать из больницы.

Хотя как раз плана-то у нее и не было.

Сестра ушла из палаты, толкая перед собой каталку.

Катя огляделась.

В палате, кроме нее, были еще четыре женщины.

Вторую кровать у окна занимала мрачная тетка лет пятидесяти с крашеными светлыми волосами, которая изучала пособие по программе «1С бухгалтерия».

Рядом с ней валялась молодая девчонка с характерными симметричными синяками под глазами, которые появляются после сотрясения мозга. Судя по всему, она не слишком переживала по поводу своего состояния. В ушах у нее были наушники плеера, глаза полузакрыты, девчонка подергивалась в ритме слышной только ей музыки.

На третьей кровати лежала бледная худенькая женщина лет сорока, на краю ее кровати сидел мужчина, чем-то удивительно похожий на нее – не внешним фамильным сходством, как брат бывает похож на сестру, а тем трудноуловимым внутренним сходством, какое проявляется у супругов, много лет проживших вместе. Мужчина держал женщину за руку, они о чем-то едва слышно разговаривали.

Наконец, четвертую койку занимала худая тетка за семьдесят с маленькими быстрыми глазами и неприязненно поджатыми губами.

Увидев Катю, она скривилась и прошипела:

– Ну вот, еще одну привезли! Как будто нас без нее мало было! Молодая... опять, значит, мужики к ней будут таскаться, шум, гам, беспорядок...

– Успокойся, бабуля! – беззлобно отозвалась Катя. – Никто ко мне ходить не будет, и по ночам я не храплю в отличие от тебя!

– Какая я тебе бабуля? – вскинулась тетка. – И кто тебе сказал, что я по ночам храплю? В жизни я не храпела!

– Храпишь, храпишь! – подала голос девушка с плеером. – Еще как храпишь! Оглохнуть можно от твоего храпа!

– А ты вообще молчи! – взвизгнула тетка. – Ты со своим роком всех уже достала!

– Какой рок? Какой рок? – Девчонка расхохоталась. – Тоже мне, старье! Это, тетя, не рок, а техно! И его никому, кроме меня, не слышно в отличие от твоего храпа!

– И этот тоже. – Тетка, столкнувшись с сопротивлением, переключилась на безобидную женщину и ее мужа. – Сидит и сидит, а сейчас, между прочим, не приемные часы...

– Ну, мы-то вам чем мешаем? – вздохнула женщина.

– А я, может, не могу культурно лечиться, когда мужчина в помещении! У меня, может, настрой пропадает!

– Настрой у нее пропадает! – вмешалась в дискуссию женщина с пособием по электронной бухгалтерии. – Лучше бы у тебя голос пропал, и желательнее навсегда!

Катя почувствовала, что в палате разгорается серьезный скандал, и ее исчезновения никто не заметит. Она собрала свои немногочисленные пожитки – бирку от вещей на складе, чудом сохранившийся тюбик губной помады и мятую бумажку, которую всучила ей соседка по реанимации, и тихонько выскользнула из палаты.

В коридоре, на ее счастье, не было ни души. И голова больше не кружилась, и цветные пятна не плыли перед глазами.

Катя вдоль стеночки пошла к выходу из отделения. Когда ей оставалось пройти метров десять, позади нее вдруг открылась дверь ординаторской, оттуда, оживленно разговаривая, вышли несколько молодых женщин в медицинской униформе. Катя с перепугу юркнула в соседнюю дверь и затаилась.

Голоса врачей удалились по коридору, но Катя еще немного выждала и заодно оглядела комнату, в которой случайно оказалась.

Это было небольшое помещение, что-то вроде прихожей перед процедурным кабинетом. На стене висела бледно-голубая хлопчатобумажная блуза и такие же брюки – видимо, кто-то из медсестер оставил здесь свою форму.

Недолго раздумывая, Катя сбросила свой халат и вместо него натянула голубую униформу. Она была немного велика, но Катя решила не обращать внимания на такие мелочи – это же не магазин, где можно выбирать цвет и размер.

Переодевшись, она выскользнула в коридор, быстро дошла до двери и оказалась на лестнице.

Теперь, в голубой униформе медсестры, она чувствовала себя гораздо увереннее и спокойно спускалась по лестнице.

Снизу кто-то поднимался.

Катя перегнулась через перила, посмотрела вниз... и увидела на площадке ниже этажом того человека, который накануне приходил к ней в палату и пытался ее убить.

Девушка сжалась от страха, метнулась вверх по лестнице, но навстречу ей кто-то спускался. Она забыла, что одета в медицинскую униформу, и испугалась, что ее сейчас вернут в палату...

Но мимо нее спокойно прошел немолодой солидный доктор.

Катя снова перегнулась через перила – и успела заметить, что тот человек, которого она смертельно боялась, исчез, видимо, он вошел на другой этаж или вообще изменил свои планы и спустился по лестнице. Но теперь по лестнице поднималась какая-то женщина, и она тоже показалась Кате знакомой...

Катя почувствовала ужасную слабость и подумала, что сейчас потеряет сознание от страха и волнения. С ней происходит что-то неладное, все люди кажутся ей опасными и враждебными... так она долго не продержится! Кроме того, под действием стресса снова начала кружиться голова, и серые больничные стены поплыли перед глазами. Она опустила на кор-

точки, сжалась и замерла на площадке между этажами, чувствуя себя опустошенной и обессиленной.

Интернет-магазин не подвел: не было еще десяти часов, когда в квартире Надежды Николаевны раздался сигнал домофона.

– Это курьер из «Сезона», – проговорил молодой голос из динамика. – Я ваш заказ привез.

Надежда нажала кнопку. Через минуту в дверь позвонили.

Выглянув в глазок, Надежда Николаевна увидела на площадке молодого парня в бейсболке с логотипом магазина. Линза глазка искажала его внешность, как кривое зеркало, поэтому Надежда не могла с уверенностью сказать, тот ли это курьер, которого она видела в вагоне метро. Впрочем, выяснить это было нетрудно. Надежда открыла дверь, и курьер вошел в ее квартиру.

Теперь всякие сомнения отпали: это был тот самый парень. Тот самый, которого нарисовала Катя в своем планшете.

Но теперь нужно было найти ответ на гораздо более трудный вопрос, ради которого Надежда и задумала сегодняшнюю авантюру: этого ли человека она видела в больнице? Он ли выходил в белом медицинском халате из Катинной палаты, а значит – он ли пытался убить девушку, введя в капельницу какое-то опасное для жизни вещество?

В прихожей беззвучно материализовался кот. Он поднял хвост трубой, прижался к ногам хозяйки и с безопасного расстояния разглядывал пришельца, видимо, решая для себя тот же вопрос, что и Надежда: представляет ли этот человек опасность для скромного и воспитанного домашнего кота? Можно ли допустить его, пусть недолгое, пребывание в квартире, или нужно немедленно принять самые суровые и решительные меры?

Надежда Николаевна отдавала себе отчет в том, что задумала рискованную игру: если это тот самый человек, он смертельно опасен. Он уже пошел на убийство, по крайней мере, один раз, и не остановится перед еще одним, если поймет, что Надежда его подозревает.

Но вот обоснованы ли эти подозрения?

Надежда попыталась представить курьера в белом медицинском халате – но по-прежнему не могла с уверенностью сказать, он это или не он. Рост и комплекция вроде бы совпадают, но этого еще недостаточно для полной уверенности...

Эти мысли промелькнули в ее голове в какую-то долю секунды.

Войдя, парень посмотрел на Надежду совершенно спокойно, ни тени узнавания не мелькнуло в его глазах. А ведь они с Надеждой не только сидели в метро друг напротив друга, а еще и перекинулись парой слов на выходе, Надежда ему посоветовала короткий путь к нужному дому. Ясно, что парень ее не запомнил, вот если бы на ее месте была девица какая-нибудь гламурная, та, может быть, и отложила бы в его памяти. Хотя не факт, некоторые люди вообще по сторонам не смотрят. А может, он просто удачно сделал равнодушный вид, а сам уже разгадал Надеждин план и обдумывает, как бы с ней покончить?

Бейсик потерял о ноги хозяйки и заглянул в ее глаза, словно хотел сказать, что Надежда не одна, что рядом с ней находится бесстрашный и решительный кот.

– Да, Бейсик, ты у меня молодец... – пробормотала Надежда и машинально почесала кота за ухом.

Курьер тем временем достал из своей сумки аккуратно запакованную в прозрачный пластик книгу, протянул Надежде квитанцию и проговорил:

– Распишитесь вот здесь. С вас четыреста пятьдесят рублей.

– Вот спасибо! – Надежда засуетилась, отсчитывая деньги, взяла книгу и изобразила восторг. – Давно эту книгу искала, но она исчезла из магазинов, а тут нашла ее... замечательная книга... сразу видно, что автор прекрасно разбирается в кошках...

– Вот и хорошо, – отозвался вежливый курьер и уже потянулся к двери.

Надежда не могла его так просто отпустить: она все еще не была уверена, тот ли это человек...

Протиснувшись между курьером и дверью, она заворковала:

– Вы, наверное, очень устали! Такая тяжелая работа! Целый день на ногах! Вы посидите немного, отдохните...

– Да нет, ничего. – Курьер радостно улыбнулся. – Это раньше я по всему городу на общественном транспорте мотался, а теперь, слава богу, машину купил. Хоть и старенькая, а все же своя! Так что теперь мне гораздо легче стало работать!

– Вот как? – пробормотала Надежда. – На машине оно, конечно, легче...

Она подумала, что у этого курьера концы с концами не сходятся: говорит, что ездит на машине, а ведь она третьего дня своими глазами видела его в метро!

Но курьер то ли почувствовал недоверие в ее взгляде, то ли просто посчитал необходимым прояснить все до конца, но только продолжил самым бесхитростным тоном:

– Сейчас, правда, машина у меня в ремонте, так что я третий день на своих двоих, но скоро ее починят.

– Ну вот, я же говорю – устали да наверняка толком позавтракать не успели, я вас, молодых, знаю – чашку черного кофе выпьете и бегом на работу, а так нельзя, у вас организм молодой, растущий, вам хорошо питаться нужно. Давайте я вас чаем напою, у меня пирожки есть вкусные, с картошкой...

Видно было, что курьер собирался вежливо отказаться, но последние слова Надежды заставили его переменить решение.

– С картошкой? – проговорил он мечтательно. – С картошкой – это мои любимые! Мама моя их очень хорошо пекла... Ну ладно, я пока успеваю, укладываюсь в график, так что могу минут на двадцать у вас задержаться. Или на полчаса. Давайте и правда выпьем чаю, раз уж у вас пирожки с картошкой...

Надежда Николаевна устремилась на кухню, поставила чайник и накрыла на стол.

Кот смотрел на происходящее с явным неодобрением – что за суета вокруг этого незнакомого человека? С чего вдруг хозяйке вздумалось его угощать? Лучше бы кот угостила чем-нибудь вкусненьким, раз уж у нее такое настроение!

Пока закипал чайник, Надежда поставила обещанные пирожки с картошкой разогреваться в микроволновку.

Курьер расположился за столом, приюхиваясь к восхитительному запаху, доносящемуся из микроволновки. Надежда Николаевна суетилась вокруг него, расставляла чашки и тарелки и нет-нет бросала на парня взгляды то с одной стороны, то с другой, пытаясь понять, его ли она видела в больнице.

По всему выходило, что нужно посмотреть на курьера сзади – именно так она видела того человека...

Кот в конце концов не выдержал этой суеты и с независимым видом удалился к батарее. Надежда достала из микроволновки дымящуюся тарелку с пирожками, поставила ее посередине стола, разлила чай и села напротив своего молодого гостя.

– Кстати, – проговорила она, подперев щеку кулаком, – меня зовут Надежда Николаевна.

Курьер, который уже вонзил зубы в первый пирожок, смутился, выпустил пирожок и пробормотал с полным ртом:

– Ой, извините... то есть извините, а я Гоша... Игорь, если полностью...

Отдав, таким образом, дань приличиям и показав свое хорошее воспитание, он снова вгрызся в пирожок, и на лице его засветилось подлинное блаженство.

– Чудесные пирожки! – проговорил он через несколько минут, благополучно расправляясь с третьим или четвертым. – Почти такие же, как мама пекла!..

– Я очень рада, – довольным голосом ответила Надежда, – кушайте еще, не стесняйтесь!

Надо сказать, что кулинария никогда не была ее сильной стороной. Готовить она не любила, хотя и делала это ради мужа. Но уж пекла никак не чаще двух-трех раз в год. Так что пирожки с картошкой, которыми она соблазнила подозрительного курьера, были не домашние, она купила их в пекарне по соседству. Но пекарня была хорошая, и выпечка у них была отменная, так что не всякий эксперт смог бы отличить их пирожки от домашних, а уж Надежда Николаевна не собиралась раскрывать тайну их происхождения.

«Какой приятный молодой человек, – размышляла Надежда, приглядываясь к курьеру, – вежливый, мамыны пирожки вспоминает... не похож он на убийцу. Хотя, с другой стороны, на настоящем преступнике тоже не должно быть крупными буквами написано, на что он способен... как раз настоящие злодеи прекрасно умеют маскироваться. Говорят, Чикатило производил на всех знакомых прекрасное впечатление. На всех, кроме своих жертв...»

Наконец она решила воспользоваться моментом и заставить курьера показаться ей в нужном ракурсе.

– Гоша, – сказала она приветливо, – извините, что я вас эксплуатирую. Пожалуйста, достаньте вон оттуда, с той полочки, вазочку, в ней печенье есть, оно тоже очень вкусное.

– Печенье? – переспросил курьер, умильно глядя на убывающие пирожки. – Зачем печенье, если есть такая вкуснятина? Что может быть лучше пирожков с картошкой!..

– Ну, – Надежда улыбнулась, – это вам можно пока не думать о калориях, а я пирожки ем с осторожностью. А печенье все же не такое калорийное. Так вы достаньте его, пожалуйста, а то я тут так удобно села, вставать не хочется...

– Да, конечно, сию секунду... – Парень вскочил из-за стола, повернулся к Надежде спиной и потянулся к вазочке с печеньем.

Надежда уставилась на его спину и попыталась представить, что на нем надет белый медицинский халат.

Нет, пожалуй, это все же был не он... или все-таки он? Как бы все-таки точнее определить?

Телосложение похожее, но сейчас Гоша тянется вверх, а тогда тот человек уходил, слегка сутулясь...

– Вот, пожалуйста. – Курьер повернулся к Надежде, поставил вазочку на стол.

– Ой, и еще, – спохватилась Надежда, – не в службу, а в дружбу, пока вы не сели, выбросьте, пожалуйста, вот это в мусорное ведро. – Она протянула Гоше смятую упаковку от чая. – Ведро вон там, у вас за спиной, за голубой дверцей.

– Конечно. – Гоша снова повернулся к хозяйке спиной, наклонился, открывая дверцу.

«Он или не он? – мучительно раздумывала Надежда, разглядывая согнутую спину молодого человека. – Кажется, не он... хотя уверенно сказать не могу...»

Гоша снова уселся за стол и смущенно взглянул на сильно убавившиеся пирожки.

– Ничего, если я съем еще один?

– Конечно, ешьте на здоровье! – улыбнулась Надежда. – Мне очень приятно смотреть на человека с хорошим аппетитом!

Она решила зайти с другой стороны и узнать, была ли вчера у Гоши возможность попасть в больницу.

– А вы каждый день работаете? – осведомилась она. – И вчера тоже работали?

– Работал, – ответил курьер, не задумываясь. – Вот вчера денек напряженный был! Машина как назло в ремонте, так я еле успел все заказы развезти...

– Ну, с машиной, конечно, удобнее, – вступила Надежда, – но можно в пробку попасть. Метро в этом смысле гораздо надежнее. Чего-чего, а пробок там не бывает.

– А вот не скажите, – возразил парень. – Я тоже так думал, а вчера как раз в метро какая-то авария случилась, так мой поезд больше часа в тоннеле простоял, между Фрунзен-

ской и Московскими воротами. Один заказ доставил с большим опозданием, так клиент очень ругался, хотел даже штрафные санкции потребовать. Я, говорит, специально на работе договорился, что с обеда выйду, а теперь получается, что я и вовсе туда не попаду! Полный отгул брать придется из-за тебя, обормота! Хорошо, я сообразил в метро справку взять об аварии, вроде как форс-мажорные обстоятельства.

– Справку? – удивленно переспросила Надежда. – Разве в метро дают такие справки?

– Дают. – Парень полез в карман и показал Надежде мятый листок с фиолетовой печатью.

Надежда успела прочитать:

«Дано Курочкину Игорю Евгеньевичу... находился в поезде метрополитена по независящим обстоятельствам с 14.00 до 14.45 такого-то числа...»

«С двух до без четверти три, – подумала Надежда, – как раз в то время, когда я была у Кати в больнице... значит, это точно был не он. Ну и хорошо, такой приятный молодой человек, было бы очень обидно, если бы он оказался преступником...»

Игорь ушел, напоследок рассыпавшись в благодарностях по поводу пирожков, так что Надежде стало немного стыдно, что она купила их в кулинарии.

Листки с Катиными рисунками были разложены в гостиной на столе, и кот сидел там же и внимательно их рассматривал. И даже трогал лапой, что Надежда немедленно пресекла – еще зацепит когтем да порвет, а рисунки чужие.

Она собрала листки в планшет, решив, что Игоря можно исключить – хороший парень, не имеет к данному делу никакого отношения, а самое главное – имеет железное алиби.

Остаются трое, и каким образом их вычислить? Ага, вот этот, мрачный тип, который мучает домашних мелкими придирками и вообще всячески портит им жизнь, он ведь не вышел вслед за всеми на их остановке. Старуха вышла, Катя, Надежда и еще курьер. А остальные поехали дальше, на конечную. Таким образом, этот мрачный тип коварной наружности, как выразался незабвенный почтальон Печкин, никак не мог толкнуть Катю под колеса автомобиля. Потому что по зрелом размышлении Надежда сообразила, что так и было, иначе с чего бы девчонке на проезжую часть выскакивать? Стояла себе спокойно со всеми, ждала зеленого сигнала – и вдруг вылетела. Толкнул ее этот тип и нанял воришку этого, как его... Витьку, чтобы он принес сумку. А в сумке – планшет, а в планшете – портрет, а на портрете – непонятно кто. Только этот кто-то очень не хочет, чтобы его лицо было на бумаге изображено. И фотографироваться небось не любит. До такой степени, что готов девушку убить, чтобы портретик свой изъять.

Витька со своей задачей не справился – тут Надежда подсуетилась. Так этот тип Витьку убил, чтобы свидетелей не оставлять, Витька-то его лицо тоже видел.

Вот такая получается криминальная история. В которую Надежда снова впуталась по собственному легкомыслию. Ну, шла бы себе мимо, подумаешь – сумку у девчонки сперли!

– Нет, – тут же сказала Надежда, – так нельзя. Ведь этот злодей все равно бы Катю убил, ведь она его лицо запомнила и снова нарисовать смогла бы.

Тут она прикусила язык, потому что кот посмотрел насмешливо – совсем хозяйка ума лишилась, уже сама с собой разговаривает!

Но что же делать?

Самое простое – снова навестить Катю в больнице, если ей получше, она точно скажет, кто приходил к ней под видом доктора, прямо рисунок покажет.

Что делать потом, Надежда Николаевна понятия не имела, но ее активная натура жаждала действия. В конце концов, она просто отдаст девушке сумку, и пускай та попросит помощи у родственников или друзей. Есть же у нее кто-нибудь...

– Я ненадолго, – сказала она коту, собираясь и на всякий случай запихивая коричневую торбу в большой непрозрачный пакет, – здесь совсем близко, только узнаю, что с ней все в

порядке, а потом сразу вернусь домой, заодно в магазин зайду, печенья тебе куплю, твоего любимого, в виде рыбок.

«Свежо предание, а верится с трудом!» – просемафорил кот зелеными глазами.

Прежде всего Надежда сунулась в справочную. Там сидела сегодня другая сотрудница. Вчерашняя была более вменяемой, и если не лучилась любезностью (где вы видели приветливую тетю в справочной муниципальной больницы?), то все же отвечала на вопросы четко и без промедления.

Сегодня картина была другая. Из окошечка справочной выглядывала монументальная блондинка в криво сидящем белом колпачке. Блондинка смотрела прямо перед собой невидящими глазами. Задумалась о чем-то своем, глубоко личном. Что ж, бывает. Надежда потопталась немного перед окошком. Блондинка не шевелилась. Надежда выразительно кашлянула и переместилась таким образом, чтобы перекрыть блондинке обзор. Блондинка по-прежнему не проявляла к ней интереса.

Надежду Николаевну не просто было сбить с толку, когда она намеревалась что-то сделать. В данном случае ей нужно было повидать Катю Малинину и отдать ей сумку.

– Можно вопрос? – крикнула она в окошко и помахала перед блондинкой растопыренными пальцами левой руки.

Блондинка слегка пошевелилась, повела глазами по сторонам и ушла от окошка, не заметив Надежду.

– Черт знает что! – возмутилась Надежда, повернулась неловко и задела пакетом пустую металлическую урну. Урна покатила по полу с грохотом, что наконец разбудило сотрудницу справочной.

– Женщина, вы что это хулиганите? – закричала она.

– Слушайте, я уже час тут стою, пытаюсь что-то узнать! – В свою очередь, Надежда тоже повысила голос. – Ну нельзя же так откровенно спать на работе!

Умом она понимала, что не надо бы обострять с теткой отношения, но уж очень достала ее ситуация. Что, в самом деле, в этих больницах вечно одно хамство!

– Что хотели? – буркнула блондинка.

«Кофе чашку выпить или помаду губную купить! – злобно подумала Надежда. – Как будто могу что-то еще хотеть, кроме как про больного узнать!»

Но вслух она сказала другое:

– Могу я узнать, как себя чувствует пациентка Катерина Малинина из неврологии?

– Нормально себя чувствует, – пробурчала блондинка, посмотрев в экран компьютера, – состояние удовлетворительное. Узнали – так и идите себе, шум не поднимайте.

– Как это – идите? – возмутилась Надежда. – Да ей вчера плохо было, еле откачали! Куда это я пойду? Мне повидать ее нужно!

– Не получится, – теперь в голосе блондинки отчетливо слышалось нескрываемое злорадство, – больная Малинина в реанимации, а туда не пускают.

– А с врачом поговорить?

– А ее лечащего врача все равно сегодня нету, он после дежурства, – отбила мяч злобная блондинка, – так что ничем, женщина, не могу вам помочь.

«Ведь знаю же, что никогда нельзя в лоб соваться, а все равно наступаю каждый раз на те же грабли», – подумала Надежда, пиная ни в чем не повинную урну.

Она пересекла холл и остановилась возле непосредственного входа в больницу. Там перед вертушкой стоял, явно скучая, дородный немолодой охранник.

– Мне бы пройти на неврологию, – негромко попросила она, дождавшись, когда рядом никого не было.

– Не положено, – строго сказал охранник, – часы неприемные. Сейчас только по спецпропускам к самым тяжелым больным. Такой уж порядок, вы женщина серьезная, должны понимать.

– А если... – Надежда скосила глаза на свой карман и выразительно подмигнула.

– Не могу, – охранник с сожалением вздохнул, – главврач сегодня злой как черт, ему в Горздраве хвост накрутили, а он – нам всем. Так что я свое место потерять не хочу. Вот вечером, когда все врачи уйдут, – всегда пожалуйста.

Легко сказать – вечером, в свою очередь вздохнула Надежда, кто же ее вечером-то отпустит? Это же надо мужу все рассказывать, а такой глупости она ни за что не сделает.

Она вышла из больницы и побрела было к автобусной остановке, но на полпути передумала и притормозила. Потом вернулась и разделась в гардеробе. Она решила обойти здание больницы – так, на всякий случай. Вдруг повезет проникнуть внутрь с черного хода, тогда, конечно, в пальто ее сразу же развернут, а вот если надеть поверх него белый халат, то можно проскочить.

Халат Надежда на всякий пожарный случай прихватила с собой из дома, он имелся у нее со времен работы в НИИ. Было у них такое опытное производство, куда пускали только в белых халатах, всем сотрудникам в свое время их выдали.

На улице было холодно, Надежда Николаевна споро припустила к дверям черного хода. Заперто. Что ж, рано отступать, еще одна попытка. Насколько она помнила, коридоры в больнице были ужасно длинные, и выходов несколько.

Она шла под скатой крыши больницы, когда сверху капнула подозрительная капля. Неужели голубь? Этого еще не хватало.

Надежда задрала голову, но не заметила ни одной нахальной птицы, они тусовались при кухне. Зато натолкнулась на высокую и худую старуху, которая вывезла из ближайшей двери тележку с пустыми котлами. «Каша», – было написано на одном красной краской, а на другом – «чай». Надежда Николаевна невольно задержала дыхание – запах больничной еды не спутаешь ни с чем.

Старуха отвернулась к двери, и тут тележка покатила вперед сама по себе. Надежда Николаевна ухватила ее, за что удостоилась благодарности старухи. Старуха сделала вид, что не заметила, как Надежда проскользнула в дверь. Там она накинула белый халат и стала подниматься по лестнице, сделав равнодушное лицо.

Сверху послышались шаги, Надежда подняла голову и увидела спускающуюся сестричку в голубоватой униформе – брюки и свободная блуза. Как бы эта козочка не пристала к ней с расспросами – куда идете, да к кому. Надежда плотно сжала губы и опустила голову, хмуро смотря себе под ноги. Может, козочка свернет на второй этаж? Самой Надежде надо на третий, там находится отделение неврологии. Действительно, шаги наверху стали медленными и неровными. Надежда решила не прятаться, а идти напролом. Сестричка наверху перестала двигаться, курит она на лестнице, что ли?

На площадке второго этажа Надежда Николаевна увидела скорчившуюся фигуру. Девушка прислонилась к стене, была она бледная и растрепанная.

– Вам плохо? – удивилась Надежда. – Что случилось? Я могу вам чем-нибудь помочь?

Вместо ответа девушка стала сползать по стене на пол. Надежда подскочила к ней и вдруг изумленно вскрикнула:

– Катя, ты?

Девушка открыла глаза, в них плескался страх.

– Не узнаешь меня? – теребила ее Надежда. – Мы в метро вместе ехали, я вчера приходила!

– Да, – слабо кивнула Катя, – помню вас.

– Я сумку твою принесла. – Надежда показала пакет.

Катя сделала попытку подняться и преуспела в этом, поддерживаемая Надеждой.

– Ты куда это в таком виде? – не отставала Надежда. – Тебе вообще еще нельзя вставать!

– Мне надо немедленно уходить из больницы, – пролепетала Катя, – я боюсь.

– А что, он опять приходил? – встревожилась Надежда.

– Да... то есть нет, но ночью там, в реанимации... Там старуха умерла, к ней кто-то приходил, не он, другой человек... угрожал, потом она умерла...

– Тебе не приснилось? – осторожно спросила Надежда. – Понимаешь, тебя лекарствами накололи, да тут еще обстановка такая, больница эта... в общем, может, это был бред?

– Да ничего не бред! – Катя сверкнула глазами. – Старуха и правда умерла, она перед смертью мне бумажку дала, вот...

– И что? – недоумевала Надежда. – Что в той бумажке? Важное что-нибудь?

– Да не знаю я, – с досадой ответила Катя. – Мне бы со своими делами разобраться!

– Это верно, – согласилась Надежда, – решила отсюда уйти, так уходи, не сомневайся.

Что ж, пожалуй, это неплохой выход для девчонки, подумала Надежда, нет у нее доверия к этой больнице. Нет здесь порядка, несмотря на то что главврач всем хвост накрутил. Это ненадолго, скоро опять станет не больница, а проходной двор, кто хочешь сможет войти – хоть убийца, хоть маньяк.

– Правильно, документов у тебя здесь нету, ушла потихоньку, да и все, никто искать не станет, – проговорила Надежда Николаевна, – только вот как это сделать? На улице, знаешь, мороз сегодня, хоть и небольшой. Где твои вещи?

Катя молча протянула ей бирку с номером и фамилией. Вещи поступивших больных хранились на больничном складе, Надежда Николаевна решила наведаться туда, не оставлять же все здесь. Катя сделала над собой усилие и спустилась вниз, затем они пересекли двор и оказались все в том же холле. Здесь Надежда подтолкнула девушку к двери кафетерия, сунув в руки сумку.

– Там у тебя кошелек, выпей чаю крепкого, что ли, – напутствовала она, – в разговоры ни с кем не вступай, жди меня, я скоро. Может, родителям позвонишь? Хотя телефона в сумке нету...

– Он в кармане куртки был. И ключи.

– Ладно, разберемся.

Надежда отправилась на склад. Что-то ей подсказывало, что Катя своего мобильника больше никогда не увидит. Хорошо хоть кошелек в сумке остался.

Склад находился в подвале, и вел туда полутемный узкий коридорчик. Надежда спустилась по выщербленным ступенькам и уткнулась в железную давно не крашенную дверь, на которой было написано «Склад». Дверь была заперта. Ни объявления никакого, ни часов работы, ни записочки. Закрыто – и все.

Надежде показалось все же, что за дверью ощущается какое-то движение.

Она приникла ухом к холодному железу. Женский хриплый голос немзыкально пел про милого, который не то с горочки спустился, не то никак не может догадаться, что его любят, не то вообще сбежал в неизвестном направлении.

Надежда постучала в дверь, не дождалась ответа и постучала сильнее. Потом что было силы забарабанила кулаками, затем бухнула в дверь ногой. Уж очень не хотелось ей возвращаться к Кате с пустыми руками. И ждать здесь долго нельзя – вдруг Катю хватятся? Тогда и Надежде нагорит. Что называется, за компанию.

– Ну что там еще... – Дверь наконец открылась.

На пороге стояла необъятных размеров тетка в вылинявшем сатиновом халате. Когда-то он был синего цвета, сейчас – бурого. Халат не сходил на мощной теткой груди. Лицом тетка напоминала жабу – выпученные глаза и свисающий огромный подбородок. Казалось, что

сейчас она раздует этот подбородок, как мешок, и послышится классическое: «Коакс, коакс, брекекекекекс!»

«Ну откуда они берутся, такие одинаковые? – устало подумала Надежда. – Ну в какую больницу ни придешь – везде на складе точно такая же жаба сидит! Родственницы они все, что ли? Или клонируют их? Нашли кого!»

Вместо кваканья жаба заговорила по-человечески:

– Ну что ты стучишь, что стучишь, видишь же, что закрыто! Ну, люди, не понимают ничего!

– Почему «ты»? – холодно спросила Надежда. – Вы же на работе находитесь, так что уж будьте добры, обращайтесь как положено! И почему это в рабочее время у вас закрыто? Инвентаризацию проводите? Главврача с инспекцией ожидаете? Так он скоро до вас дойдет, всех уже в больнице распушил!

– Вы, женщина, по какому вопросу? – Тетка не то чтобы испугалась, просто решила не заедаться, поскольку слышала уже про сердитого главврача.

– Вещи мне выдайте племянницы моей! – Надежда, просочившись в помещение склада, бросила на стол бирку с фамилией.

Тетка развернулась на пятках и очень быстро принесла матерчатый мешок, в котором Надежда обнаружила куртку, джинсы, сапоги в отдельном пакете, а также скромный серенький свитерок и порванные колготки. В карманах, разумеется, ничего не было.

Надежда пристально посмотрела на тетку. Та ответила ей невыразительным жабым взглядом.

– Мобильный телефон и ключи от квартиры, – твердо сказала Надежда Николаевна.

– Ничего не знаю! – так же твердо ответила жаба. – Не было этого! Что сдавали, то и получили.

– Да она без сознания была, ее машина сбила! – закричала Надежда, потеряв терпение.

– Значит, из кармана выпали! – Жаба тоже повысила голос. – Вещи получили? Ну, так и идите!

Надежда огляделась по сторонам и заметила выглядывающий из-за вороха одежды кусочек выцветшей бумаги. Коршуном бросившись туда, она увидела потертую картонку, где написаны были часы работы и кто когда работает. Фамилия сегодняшней тетки была Свиноаренкова, звали ее Евдокия Михайловна.

– Так-так... – протянула Надежда. – Очень вы своей фамилии соответствуете. Значит, так. Ключи пропали, так что если кража у нас в квартире произойдет, я в полицию все ваши данные незамедлительно предоставлю. Они уж обрадуются – долго искать не придется, в два счета дело раскроют.

Тетка снова не испугалась, однако прикинула, что излишнее внимание привлечь ей к своему складу не с руки. Она мигом смоталась в глубь помещения и принесла коробку из-под обуви, где лежали всякие мелочи – пуговицы, пряжка от ремня, тюбик губной помады и тому подобная ерунда.

– Вот! – Тетка бросила Надежда ключи. – Эти?

– Эти, – уверенно сказала Надежда, увидев блестящий брелок – кисточка и палитра, ясно, что Катины.

– Мобильника не было, – твердо сказала жаба.

Что ж, Надежда и не рассчитывала его получить.

Едва дверь склада закрылась за Надеждой Николаевной, кладовщица Михайловна достала из кармана своего необъятного видавшего виды халата мобильный телефон, потыкала толстым пальцем в клавиши и поднесла аппарат к уху.

– Здорово, Захарыч! – проквакала кладовщица.

- Это кто ж это меня домогается? – отозвался из трубки сонный мужской голос.
- Не узнал? Богатой буду! – Кладовщица довольно рассмеялась, хрипя и булькая. Должно быть, именно так смеялась бы огромная жаба, если бы могла.
- Не узнал! – отрезал ее собеседник. – И не собираюсь тут в «Что? Где? Когда?» играть.
- Да это же я, Михаллна! Кладовщица из больницы! Неужто и правда не узнал?
- И чего тебе надо?
- Да есть у меня кое-что для тебя. Телефончик тут нарисовался, новенький совсем.
- А его не хватятся?
- Да нет, конечно! Кто его хватится? А если и хватятся, я тут ни при чем – знать ничего не знаю, может, он в «Скорой» выпал по дороге или еще где...
- Ну ладно! – Голос собеседника потеплел. – Заскочу через часок! А марки-то он какой?
- Чего?
- Ну, что на нем написано!
- А... ну, ты же знаешь, я по-иностранному не очень, но попробую прочитать... чего-то вроде «Псам-псунг»!
- Самсунг! – догадался Захарыч. – Ладно, заеду...
- Вдруг в голосе его зазвучало беспокойство:
- Слушай, Михаллна, а ты мне с какого же телефона звонишь? Что-то номер у меня на дисплее незнакомый!
- С этого самого и звоню, с «Псам-псунга»! – гордо сообщила кладовщица.
- Что-о?! – протянул Захарыч. – Ты долго думала?
- Долго, – призналась Михайловна. – Не со своего же звонить! Есть же правила этой... как ее... конспирации!
- Конспирации! – передразнил ее собеседник. – Первое правило конспирации – из ворованного телефона сразу же сим-карту вынуть и ни в коем случае его не включать!
- Не включать! – обиженно повторила кладовщица. – Так ежели я его выключу – как же потом включить? Я же этого... как его... пин-кода не знаю!
- Дикая ты женщина, Михаллна! – вздохнул Захарыч. – Не идешь ты в ногу с прогрессом!
- Да мне и без того есть куда идти! – обиженно проговорила кладовщица. – Короче, берешь телефон? Или я его другому отдам!
- Ага, напугала! Ладно, возьму, только в честь нашей старой дружбы! Только смотри – больше никуда по нему не звони и никуда не уходи со своего склада!
- Да куда ж я уйду! Мне отсюда уходить не положено! – Кладовщица сложила телефон и спрятала в карман.
- В это время в дверь склада кто-то деликатно постучал.
- Кто это там? – недовольным голосом проворчала Михайловна, придавая своему лицу и голосу начальственное выражение. Это у нее получалось легко – сказывалась многолетняя тренировка.
- Я по поводу вещей, – раздался из-за двери приятный мужской голос, и дверь приоткрылась.
- Перерыв у меня, – привычно отрезала кладовщица.
- Обеденный перерыв у вас с часу до двух, – проговорил тот же голос, и его обладатель вошел на склад.
- А у меня технический... – пробормотала тетка, но в это время она разглядела настыр-ного посетителя.
- Это был молодой мужчина приятной наружности. Впрочем, кладовщице казались молодыми все мужчины младше пятидесяти, а уж про наружность можно и не говорить. Впрочем, во внешности этого посетителя было что-то необычное. А именно: стоило Михайловне отвести от него глаза – и она уже никакими силами не могла вспомнить, как он выглядит. То есть

понятно, что она не смогла бы вспомнить цвет его глаз или форму носа, но она не могла даже вспомнить, толстый он или худощавый, высокий или маленький...

Впрочем, это не очень ее озаботило.

– Понятно, что по поводу вещей, а не на меня поглазеть! – проговорила кладовщица с обычным своим хамством. Поделаться с ним она ничего не могла – она хамила, как дышала.

– А конкретно, по поводу каких вещей? Фамилия!

– Мне нужны вещи пациентки Малининой, – сообщил странный посетитель.

Про вещи Малининой кладовщица, разумеется, все помнила, она их только что выдала, а Катин телефон и сейчас лежал в ее кармане. Но она должна была придать значительность своей особе, и поэтому с серьезным и озабоченным видом принялась листать амбарную книгу. Хотя заведующий административно-хозяйственной частью, которому Михайловна подчинялась, давно пытался компьютеризировать учет, Михайловна этому упорно сопротивлялась и записывала принятые вещи по старинке, в толстую книгу.

– А вы ей кто будете? – спросила она, продолжая перелистывать страницы.

– Родственник, – сухо ответил посетитель, – родной дядя.

– Во как! – неопределенно отозвалась кладовщица и подняла глаза на посетителя. – Извиняюсь, но ничего вам выдать не могу. Так что зря вы свое время потратили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.